

INSPIRIA

СЕМЬЯ,
БРОСИВШАЯ
ВЫЗОВ
МИРУ

СТЕФАНИЯ ДУЧИ
ЛЬВЫ
СИЦИЛИИ
САГА О ФЛОРИО

 INSPIRIA

Стефания Аучи
Львы Сицилии. Сага о Флорио
Серия «Novel. Большая
маленькая жизнь»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63062332
Львы Сицилии. Сага о Флорио: Inspiria; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-114122-6

Аннотация

Грандиозный, масштабный роман, основанный на истории реально существовавшей влиятельной семьи на Сицилии, и полюбившийся тысячам читателей не только за захватывающее повествование, но и за изумительно переданный дух сицилийской жизни на рубеже двух столетий.

В 1799 году после землетрясения на Калабрии семья Флорио переезжают в Палермо. Два брата, Паоло и Иньяцио, начинают строить свою империю в далеко не самом гостеприимном городе. Жизненные трудности и переменчивость окружающего мира вдохновляют предприимчивых братьев искать новые ходы и придумывать технологии. И спустя время Флорио становятся теми, кто управляет всем, чем так богата Сицилия: специями, тканями, вином, тунцом и пароходами.

Это история о силе и страсти, о мести и тяжелом труде, когда взлет и падение подкрепляются желанием быть чем-то гораздо большим.

«История о любви, мечтах, предательстве и упорном труде в романе, полном жизненных вибраций». – Marie Claire

Содержание

Пролог	5
Пряности	28
Шелк	139
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Стефания Аучи Львы Сицилии. Сага о Флорио

*Посвящается Федерико и Элеоноре: мужеству,
безрассудству, страху и безумию которые мы
разделили в дни потерь и приобретений*

*И проиграли бой. Что из того?
Не все погибло: сохранен запал
Неукротимой воли, наряду
С безмерной ненавистью, жаждой мстить
И мужеством – не уступать вовек.
Джон Милтон¹*

Пролог *Баньяра-Калабра, 16 октября 1799*

*Кто пытается, у того получается.
Сицилийская пословица*

Гул землетрясения, пробуждаясь в море, врезается в ночь.
Набухает, растет, превращается в грохот, разрывающий ти-
шину.

В домах спят люди. Кто-то просыпается от звона посуды,

кто-то — от резких хлопков дверей. И все, как один, на ногах, когда дрожат стены.

Мычание, лай собак, молитвы, ругательства. Горы стряхивают с себя камни и грязь, мир опрокидывается.

Землетрясение доходит до предместья Пьетралиша, хватается за фундамент, яростно встряхивает дом.

Иньяцио открывает глаза, вырванный из сна волнами дрожи, идущими по стенам. Низкий потолок над головой, кажется, вот-вот упадет.

Это не сон. Это страшная явь.

Он видит, как кровать Виктории, племянницы, ходит ходуном по комнате. На скамье подпрыгивает железная шкапулка, падает на пол вместе с расческой и бритвой.

В доме слышны женские крики:

— Помогите, помогите! Беда!

Иньяцио вскакивает на ноги, но не убегает. Сначала нужно спрятать Викторию: ей всего девять лет, она до смерти напугана. Он тащит ее под кровать, в укрытие.

— Сиди здесь, слышишь? — говорит он ей. — Не шевелись.

Она только кивает. Не может говорить от страха.

Паоло. Винченцо. Джузеппина.

Иньяцио выбегает из комнаты. Короткий коридор кажется ему бесконечным. Он чувствует, как стена уходит из-под ладони, нащупывает ее, но она снова отступает, будто живая.

Он вбегает в спальню Паоло, брата. Сквозь щели в ставнях в комнату проникает слабый свет. Его невестка Джузеппи-

на уже вскочила с кровати. Материнский инстинкт разбудил ее, подсказал, что над ее младенцем Винченцо нависла беда. Она пытается вынуть малыша из плетеной корзины, привязанной к потолочным балкам, но колыбель качается на сейсмических волнах. Женщина плачет, в отчаянии тянет руки, стараясь остановить страшные качели.

Шаль, прикрывающая ее голые плечи, падает на пол.

– Сынок! Бежим скорее! Пресвятая Мадонна, помоги нам!

Джузеппина успевает забрать из колыбели новорожденное. Винченцо открывает глаза и заходится плачем.

В суматохе Иньяцио замечает чью-то тень. Это Паоло, брат. Он вскакивает с постели, подбегает к жене, выталкивает ее в коридор.

– Уходим!

Иньяцио возвращается к себе.

– Подожди! Виктория! – кричит он.

Виктория в темноте под кроватью свернулась калачиком, обхватив голову руками. Он подхватывает ее и бежит прочь. Куски штукатурки отваливаются от стен, гул землетрясения нарастает.

Девочка вцепилась в него, чуть не рвет рубашку, тонкими пальчиками царапает ему грудь, так ей страшно.

Паоло на пороге, они бегут вниз по лестнице.

– Сюда, скорее!

Выбегают на середину двора, ударные волны становятся

все сильнее. Какое счастье, что они вместе, впятером. Жмутся друг к другу, пригнули головы, закрыли глаза.

Иньяцио молится и дрожит, и надеется. Рано или поздно все заканчивается. Должно закончиться.

Время рассыпается на миллионы мгновений.

Как и нарастал, постепенно, гул стихает и вскоре угасает совсем.

Остается только ночь.

Но Иньяцио знает, что тишина обманчива. Ему рано пришлось постичь науку, которую преподносит землетрясение.

Он поднимает голову. Сквозь рубашку чувствует страх Виктории, дрожь ее тела, ее ногти больно царапают кожу. Он читает страх и на лице невестки, замечает радость в глазах брата; видит, как Джузеппина ищет руку мужа, а Паоло отворачивается и идет к дому.

– Слава Богу, дом устоял! Днем посмотрим, нет ли трещин, все ли цело...

Винченцо улучил момент и громко заплакал. Джузеппина утешает его:

– Тише, тише, мой маленький, все хорошо.

Баюкая малыша, подходит к Иньяцио и Виктории. Джузеппине все еще страшно: Иньяцио слышит ее учащенное дыхание, чувствует запах пота, запах страха, к которому примешивается аромат мыла, исходящий от ее ночной рубашки.

– Виктория, как ты? Все хорошо? – спрашивает Иньяцио.

Племянница кивает, но не отпускает дядину рубашку.

Иньяцио приходится разжать ее ручку. Он понимает ее страх: девочка, дочь его брата Франческо, круглая сирота. После смерти родителей ребенок остался на попечении Паоло и Джузеппины, единственных, кто мог заменить ей семью и дать крышу над головой.

– Я здесь. Не бойся.

Виктория молча смотрит на него, потом бросается к Джузеппине и крепко-крепко обнимает ее.

Виктория живет с Джузеппиной и Паоло с тех пор, как они поженились, то есть почти три года. Характером она похожа на дядю Паоло: замкнутая, молчаливая, гордая. Но сейчас это просто несчастный, испуганный ребенок.

У страха много лиц. Иньяцио знает, что его брат, к примеру, не будет стоять и плакать. Подбоченившись, он с мрачным видом осматривает свой двор, переводит взгляд на окружающие долину горы.

– Пресвятая Дева, сколько же это длилось?

Его вопрос повисает в тишине.

– Не знаю. Долго, – помолчав, отвечает Иньяцио. Он пытается успокоить внутреннюю дрожь. Лицо напряжено от страха, тонкие нервные руки подрагивают, желваки ходят под лохматой бородой. Он моложе Паоло, хоть и выглядит старше своего возраста.

Напряжение отпускает, сменяется слабостью. Иньяцио чувствует сырость утреннего воздуха, острые камни под ногами, тошноту. Он выскочил из дома босой, в одной ночной

рубашке. Откидывает волосы со лба, смотрит на брата, потом на невестку.

Решение приходит в один миг.

Он бежит к дому. Паоло – за ним, хватается за руку.

– Куда ты собрался?

– Им нужны одеяла, – кивает в сторону Виктории и баюкающей младенца Джузеппины. – Оставайся с женой. Я схожу.

Не дожидаясь ответа, Иньяцио торопливо и вместе с тем осторожно поднимается по ступеням. На пороге останавливается, ждет, когда глаза привыкнут к полумраку.

Посуда, стулья – все валяется на полу. У кадки рассыпана мука, белое облачко еще кружит в воздухе.

У Иньяцио сжимается сердце: это дом Джузеппины, ее приданое. Это семейный очаг Джузеппины и Паоло, радушно приветивший и его, Иньяцио. Грустно сейчас видеть дом таким неприютным.

Иньяцио колеблется. Он знает, что будет, если придет новая волна.

Нерешительность длится мгновение. Иньяцио бежит в дом, срывает с постелей одеяла.

Пробирается в свою комнату. Находит мешок с рабочими инструментами, хватается за него. Видит железную шкатулку на полу. Открывает. Обручальное кольцо матери сияет в полумраке словно в утешение.

Кидает шкатулку в мешок.

В коридоре на полу валяется шаль Джузеппины: должно быть, невестка, убегая, обронила. Она никогда не расстается с ней, носит эту шаль с первого дня, как вошла в их семью.

Он хватается шаль, бежит к лестнице, спешно крестится на распятие у входа.

Через минуту земля снова начинает дрожать.

* * *

– Быстро прошло, слава Богу.

Иньяцио отдает брату одеяла, другим укрывает Викторину и, наконец, протягивает Джузеппине шаль. Та, спохватившись, ощупывает свои голые плечи, ночную сорочку:

– Но...

– Я нашел ее на полу, – объясняет Иньяцио, опуская глаза.

– Спасибо, – бормочет Джузеппина. Закутывается в теплую мягкую шаль, чтобы согреться. Дрожит не только от ночной прохлады – от тревожных воспоминаний.

– Зря мы стоим на улице. – Паоло распахивает дверь хлева. Корова мычит, будто возражая, а Паоло тащит ее за привязь вглубь сарая. Зажигает фонарь. Кидает охапки сена к стене.

– Виктория, Джузеппина, садитесь!

Это проявление заботы, Иньяцио знает, но тон у Паоло беспрекословный. Джузеппина и Виктория растерянно смотрят на небо, на дорогу. Они так и будут стоять во дворе всю

ночь, если не сказать им, что делать. Это обязанность главы семейства. Быть сильным, защищать – вот задача мужчины, особенно такого мужчины, как Паоло.

Виктория и Джузеппина падают на кучу соломы. Девочка сворачивается калачиком, сжав кулачки перед лицом.

Джузеппина смотрит на нее. Смотрит и не хочет вспоминать, но коварная, гадкая память хватает за горло и затягивает в прошлое.

Ее детство. Смерть родителей.

Джузеппина закрывает глаза, тяжело вздыхает, отгоняя воспоминания. Пытается отогнать. Она прижимает к себе Винченцо, затем осторожно открывает разрез ночной сорочки. Ребенок мигом прилипает к груди. Ручкой мнет тонкую кожу, ноготками царапает ареолу соска.

Она жива, ее сын жив. Он не останется сиротой.

Иньяцио стоит на пороге. Внимательно смотрит на дом. В темноте он пытается определить, не просел ли фундамент, не покосились ли стены, но ничего не видит. Он не спешит делать выводы, но таит надежду, что *на этот раз* все обошлось.

Воспоминание о матери – порыв ветра в ночи. Мать смеется, протягивает руки, а он, маленький, бежит ей навстречу. Шкатулка в мешке вдруг кажется очень тяжелой. Иньяцио вынимает шкатулку, достает золотое кольцо. Сжимает его в кулаке, прижав руку к сердцу.

– Мама! – шепчет он едва слышно.

Это молитва, которая дает утешение. Это тоска по ласке, которой ему так не хватало. С семи лет. С тех пор, как умерла Роза, его мать. Шел 1783 год, год кары Господней, год, когда земля дрожала, пока от Баньяры не остались лишь обломки. Та катастрофа затронула Калабрию и Сицилию, тысячи людей погибли. В одну ночь землетрясение унесло несколько десятков жизней только в Баньяре.

Тогда он и Джузеппина тоже оказались рядом.

Иньяцио хорошо ее помнит. Худенькая бледная девочка стояла рядом с братом и сестрой и смотрела на два земляных холмика, отмеченные одним крестом: ее родители погибли под обломками дома.

Он был с отцом и сестрой; Паоло стоял чуть поодаль — руки сжаты в кулаки, хмурый взгляд подростка. В те дни оплакивали не только своих близких: родителей Джузеппины, Джованну и Винченцо Саффьотти хоронили в тот же день, что и его мать, Розу Беллантони, прощались тогда и с другими жителями Баньяры. Фамилии повторялись: Барбаро, Сполити, Ди Майо, Серджи, Флорио.

Иньяцио смотрит на невестку. Джузеппина поднимает глаза, их взгляды встречаются, и вдруг он отчетливо понимает, что ее преследуют те же воспоминания.

Они говорят на одном языке, чувствуют одну боль, несут в себе одно одиночество.

– Надо пойти посмотреть, как остальные, – Иньяцио машет рукой в сторону холма за Баньярой. Огоньки в темноте означают, что там жилье, там люди. – Ты что, не хочешь узнать, все ли в порядке у Маттии и Паоло Барбаро?

В его голосе нотки сомнения. Иньяцио двадцать три года, настоящий мужчина, но для Паоло он ребенок, тот, что прятался за родительским домом, за кузницей отца, когда *их* мать его ругала. Потом, при *другой*, новой жене отца, Иньяцио никогда не плакал. Просто смотрел на нее с нескрываемой ненавистью и молчал.

– Зачем? – Паоло пожимает плечами. – Дома стоят, значит, все в порядке. Сейчас ночь, темно, а Пальера далеко.

Но Иньяцио с тревогой смотрит на дорогу, переводит взгляд на холмы, окружающие город:

– Нет, все-таки пойду, посмотрю, как они.

Он идет по тропе, ведущей к центру Баньяры, вслед ему летит ругань брата.

– Вернись! – кричит Паоло, но Иньяцио лишь машет рукой и мотает головой, мол, нет, уходит.

Он босой, в одной ночной рубашке, но словно не замечает этого. Нужно проведать сестру. Иньяцио спускается с холма, где лежит Пьетралиша, и быстро входит в город. Повсюду камни, обломки, куски штукатурки, разбитая черепица.

Вот бежит человек, у него рана на голове. Кровь блесит в свете факела, которым он освещает переулок. Иньяцио пересекает площадь, идет по узким улочкам, куда из дворов высыпали куры, козы, собаки. Кругом суматоха.

Во дворах женщины и дети громко молятся, перекрикиваются, чтобы узнать новости. Мужчины ищут в завалах заступы, мотыги, ящики с инструментами – единственное, что может обеспечить пропитание, что ценнее еды или одежды.

Иньяцио идет по дороге, ведущей в предместье Гранаро, где находится дом Барбаро.

Вдоль дороги виднеются каменные и деревянные лачуги.

Раньше здесь стояли настоящие дома – он тогда был мал, но хорошо помнит. Их разрушило землетрясение 1783 года. Кто мог, отстроил свое жилище заново из того, что удалось спасти. Кто-то сумел на месте руин построить большой и богатый дом, как сделал Паоло Барбаро, муж их сестры, Маттии Флорио.

Маттия сидит на скамейке босая. Темные глаза, строгий взгляд. Дочь Анна крепко вцепилась в ночную сорочку матери, на руках у которой спит малыш Рафаэле.

Как она сейчас похожа на мать! – думает Иньяцио. Он подходит к ней, крепко обнимает, не говоря ни слова. На сердце сразу становится тепло.

– Как вы? Паоло, Винченцо? А Виктория? – Она берет его лицо в свои ладони, целует глаза. Сдерживается, чтобы не заплакать. – Как Джузеппина? – Она снова обнимает его, и

он чувствует запах хлеба и фруктов, запах дома.

– Все спасены, слава Богу. Паоло устроил их в хлеву. Я пришел узнать, как ты... как вы.

Со стороны хозяйственного двора появляется Паоло Барбаро. Зять. Он ведет за привязь осла.

Иньяцио чувствует, как Маттия вся сжимается от страха.

– Вот и хорошо! А я как раз направлялся к тебе и твоему брату. – Паоло запрягает осла в телегу. – Нужно ехать в порт – проверить лодку. Делать нечего, Иньяцио, поедешь со мной.

Иньяцио разжимает руки, одеяло падает.

– Прямо так? Я не одет.

– Ну и что? Чего стыдиться?

Паоло Барбаро невысокого роста, коренастый. Иньяцио, напротив, суховатый, стройный. Маттия смотрит на мужа, дети испуганно жмутся к ней.

– В комодѣ есть одежда. Можешь надеть... – говорит она брату.

– Тебя кто спрашивает? Что ты все время лезешь не в свое дело? – раздраженно перебивает ее Паоло и добавляет, обращаясь к Иньяцио: – А ты садись, пошевеливайся! Кто сейчас будет на тебя смотреть?!

– Маттия хотела мне помочь, – пытается встать на ее защиту Иньяцио. Ему больно видеть сестру с опущенной головой, с покрасневшими от унижения щеками.

– Вечно моя жена болтает лишнее! Поехали! – Паоло пры-

гает в телегу.

Иньяцио хочет возразить, но Маттия останавливает его умоляющим взглядом. Да он и сам прекрасно знает, что Барбаро никого не уважает.

* * *

Море вязкое, чернильного цвета, сливается с ночью. Иньяцио спрыгивает с телеги, едва они подъезжают к порту.

Перед ним продутая ветром бухта, песок и камни, защищенные острыми выступами гор и мыса Мартурано.

Возле лодок кричат люди, проверяют груз, натягивают канаты.

Здесь так оживленно, что кажется, будто сейчас полдень.
– Пошли! – Барбаро направляется к башне короля Роже-ра, где море глубже и пришвартованы большие суда.

Они подходят к судну. Это «Сан-Франческо ди Паола», баркас Флорио и Барбаро. Грот-мачта качается в такт волнам, бушприт тянется вперед, в море. Паруса сложены, такелаж в порядке.

Из трюма пробивается узкая полоска света. Барбаро вытягивает шею, прислушивается к скрипу, лицо его выражает одновременно удивление и досаду.

– Шурин, это ты?

– А кто, по-твоему? – Из люка появляется голова Паоло Флорио.

– Почему мне знать? После того, что случилось этой ночью...

Но Паоло Флорио больше не слушает его. Он смотрит на Иньяцио.

– И ты здесь! Что ж ты мне ничего не сказал? Взял и исчез. Давай сюда, живо! – Он исчезает в чреве судна, брат следует за ним. Зять остается на палубе, чтобы проверить левый борт, которым баркас ударился о каменный мол.

Иньяцио протискивается в трюм меж ящиков и холщовых мешков, которые из Калабрии должны отправиться в Палермо.

Это их работа – торговля, главным образом морская.

Совсем недавно в Неаполитанском королевстве случился большой переполох: мятежники изгнали короля и провозгласили Неаполитанскую республику. Этими заговорщиками были дворяне, распространявшие идеи демократии и свободы, как в революционной Франции, где полетели головы Людовика XVI и Марии-Антуанетты. Фердинанд и Мария Каролина, однако, проявили предусмотрительность и вовремя бежали при поддержке той части армии, которая осталась верна англичанам – историческим врагам Франции, опасаясь, что *лаицарони*, простолюдины, растерзают их со всей яростью, на какую только способны.

Но сюда, в калабрийские горы, докатилась лишь последняя волна той революции. Случались убийства, солдаты не понимали, кому подчиняться, а разбойники, которые всегда

промышляли грабежом на горных тропах, не гнушались нападать и на торговцев на побережье. Из-за разбойников и революционеров передвигаться по суше стало рискованно. И пусть в море нет ни церквей, ни таверн, но там уж точно безопаснее, чем на дорогах королевства Бурбонов.

Внутри небольшого трюма душно. Цитроны в плетеных корзинах – они особенно ценятся парфюмерами, рыба – сушеная треска и соленая сельдь. В глубине трюма – кожи, готовые для отправки в Мессину.

Паоло проверяет мешки с товаром. В трюме стоит крепкий запах соленой рыбы, смешанный с кисловатым запахом кож.

Пряностей в трюме нет. До отплытия судна они хранятся дома. Влага и соленый морской воздух им вредны, пряности требуют бережного обращения. У них экзотические имена, когда их произносишь, представляешь себе солнце и лето, а на языке чувствуешь вкус: перец, гвоздика, калган, корица. Вот где настоящее богатство.

Иньяцио вдруг замечает, что Паоло сам не свой. Это ясно по его жестам, словам, заглушаемым плеском волн за бортом лодки.

– Что случилось? – спрашивает Иньяцио. Он боится, что брат поссорился с Джузеппиной. Его невестку не назовешь покорной, а именно такой надлежит быть жене. По крайней мере, жене, подобающей Паоло. Но не семейные дела тревожат брата, Иньяцио чувствует. – Что случилось? – повторяет

он.

– Я хочу уехать из Баньяры.

Слова звучат в тишине, ненадолго воцарившейся между ударами волн. Иньяцио надеется, что он не так понял, хотя знает, что Паоло и раньше думал об этом.

– Куда? – спрашивает Иньяцио скорее настороженно, чем удивленно. Он боится. Его охватывает неосознанный, древний страх, он как зверь, дышит в лицо горечью бесприютности.

Маттия и Паоло всегда были рядом. Теперь у Маттии своя семья, а Паоло хочет уехать. Оставить его одного.

Брат понижает голос. Переходит на шепот.

– По правде говоря, я давно об этом думаю. Сегодняшняя ночь убедила меня, что это правильное решение. Я не хочу, чтобы Винченцо рос здесь, не хочу подвергать его опасности, не хочу, чтобы он погиб под обломками своего дома. И потом... – Он смотрит на Иньяцио. – Я хочу добиться большего, брат. Мне мало этого города. Мне мало этой жизни. Я хочу в Палермо.

Иньяцио открывает рот, чтобы ответить, но не может. Он растерян, чувствует, что слова рассыпаются в прах.

Конечно, Палермо. Это очевидный выбор: Барбаро и Флорио, как их называют в Баньяре, владеют там лавкой пряностей.

Иньяцио вспоминает. Все началось примерно два года назад с *фондако* – небольшого склада, где хранились товары,

которые они закупали вдоль побережья, чтобы затем перепродать на острове. Сначала это было продиктовано необходимостью, но вскоре Паоло понял, что дело может оказаться прибыльным, если расширить торговлю в Палермо, ведь сейчас это один из важнейших портов Средиземноморья. Так небольшой склад превратился в лавку. *К тому же в Палермо много выходцев из Баньяры*, думает Иньяцио. Это оживленный, богатый город, он откроет новые возможности, особенно сейчас, когда там обосновались бежавшие от революции Бурбоны.

Иньяцио кивает в сторону палубы над ним, где слышны шаги зятя.

Нет, Барбаро пока не знает. Паоло знаками велит Иньяцио молчать. Чувство одиночества сжимает Иньяцио горло.

* * *

Возвращаются домой молча. Баньяра, пленница остановившегося времени, ждет рассвета нового дня. Вот и Пьетралиша, братья входят в хлев. Виктория спит, и Винченцо тоже. Только Джузеппина бодрствует.

Паоло садится рядом с женой, та, настороженная, даже не шелохнется.

Иньяцио ищет место на соломе, ложится рядом с Викторией. Девочка вздыхает. Он машинально обнимает ее, но сам не может уснуть.

Трудно принять такое известие. Как он справится один, ведь он всегда жил с ними?

* * *

Рассвет проникает сквозь щели в дверях и рассеивает темноту. Золотой свет – предвестник надвигающейся осени. Иньяцио поеживается от холода: спина и шея у него затекли, в волосах полно соломы. Он осторожно будит Викторию.

Паоло уже встал. Он ворчит, а Джузеппина баюкает плачущего малыша.

– Нужно вернуться домой, – решительно заявляет она. – Винченцо надо переодеть, и вообще, я не собираюсь оставаться здесь. Неприлично это!

Паоло ворчит, распахивает дверь: в сарай врывается солнце. Дом уцелел, и сейчас, на рассвете, они видят кругом мусор и куски черепицы. Но, главное, дом стоит, на его стенах нет трещин. Она шепотом благодарит Бога. Можно вернуться домой.

Следом за Паоло к дому идет Иньяцио, за ним – Джузеппина. Он чувствует ее нерешительную поступь, готовый в любой момент помочь.

Они переступают порог. На кухне повсюду разбитая посуда.

– Пресвятая Богородица, вот горе-то! – Джузеппина крепко держит младенца, который раскричался не на шутку. От

ребенка пахнет прокисшим молоком. – Виктория, помоги мне! Прибери здесь, я не могу одна. Шевелись!

Девочка, отставшая от всех, входит в дом. Ищет теткин взгляд, но та не смотрит в ее сторону. Плотнo сжав губы, девочка принимается собирать осколки. Она не будет плакать, не должна.

Джузеппина идет по коридору, куда выходят спальни. Каждый ее шаг – это стон, от которого сжимается сердце. Ее дом, ее гордость, полон мусора и обломков. Понадобится несколько дней, чтобы навести здесь порядок.

Она заходит в комнату и первым делом моет Винченцо. Кладет его на перину, чтобы помыться самой. Малыш резвится, пытаясь схватить себя за ножку, и заливается радостным смехом, когда у него получается.

– Ангел мой, – говорит она ему. – Любовь моя!

Винченцо – ее сокровище, ясная звездочка. Тот, кого она любит больше всего на свете.

Джузеппина надевает домашнее платье. На плечах все та же шаль, концы которой она завязывает за спиной.

Паоло заходит в комнату в тот самый момент, когда она кладет сына в колыбель.

Он распахивает окно. Октябрьский воздух врывается в комнату вместе с шелестом деревьев – буковая роща уже краснеет у гор. Сорока трещит в огороде, за которым ухаживает сама Джузеппина.

– Мы не можем оставаться здесь, в Пьетралише, – говорит

Паоло.

– Почему? Дом ненадежен? Где-то трещины? – Джузеппина застывает с подушкой в руках.

– Крышу надо починить, но дело не в этом. Мы должны уехать отсюда. Из Баньяры.

Джузеппина не верит своим ушам. Подушка падает у нее из ее рук.

– Почему?

– Потому. – Голос Паоло звучит так, что сомнений не остается: за этим лаконичным ответом стоит твердое решение.

– Как? Уехать из моего дома? – Она смотрит прямо перед собой.

– Из нашего дома.

Из *нашего* дома? Джузеппина стоит перед мужем, стиснув зубы. *Это мой дом*, думает она с обидой, *мой, это мое приданое, а ты и твой отец всегда хотели денег, много денег, и все вам было мало...* Джузеппина прекрасно помнит бесконечные споры о приданом, которое хотели получить за нее Флорио. Чего стоило угодить им! Она-то вовсе не хотела замуж. И вот теперь он решил уехать? Почему?

Нет, нет, зачем ей знать? Она выходит из комнаты, бежит по коридору, подальше от этого разговора.

Паоло идет за ней.

– На стенах трещины, с крыши упала черепица. Если тряхнет еще раз, все посыплется нам на голову.

Они входят на кухню. Иньяцио сразу все понимает. Ему известны приметы надвигающейся бури, и сейчас она неминуема. Кивком он отсылает Викторину прочь, та бежит к лестнице, на улицу. Иньяцио отступает в коридор, но остается за порогом: он боится резкости Паоло и гнева невестки.

Из этой ссоры не выйдет ничего хорошего. У них никогда не выходит ничего хорошего.

Джузеппина берет веник, чтобы подмести муку.

– Так почини, ты глава семьи. Или найди работников.

– Я не могу сидеть дома и следить за работниками, у меня нет на это времени. Если я не выйду в море, нам нечего будет есть. Я курсирую с товаром между Неаполем и Палермо, но я не хочу всю жизнь быть бедняком из Баньяры. Я хочу достичь большего – ради себя, ради своего сына.

У нее вырывается восклицание – что-то между презрением и грубым смешком.

– Ты всегда останешься бедняком из Баньяры, даже если пробынешься ко двору Бурбонов. Думаешь, деньги смогут тебя изменить? Ты плаваешь на судне, купленном в складчину с зятем, а он обращается с тобой хуже, чем с прислугой.

Джузеппина возится с посудой.

Иньяцио слышит стук тарелок друг о друга. Видит порывистые движения невестки, ее согнувшуюся над лоханью спину.

Он понимает ее чувства: злость, растерянность, испуг. Тревогу.

Он испытывает то же начиная с прошедшей ночи.

– Мы должны уехать в ближайшее время. Нужно предупредить твою бабушку, что...

Тарелка летит на пол.

– Я никуда не уйду из *своего* дома! Даже не думай!

– Твой дом! – у Паоло готово вырваться крепкое словцо. – Твой дом! Ты все время твердишь об этом, с тех пор как мы поженились. Ты, твои родственники, твои деньги! Я, я содержу тебя, ты живешь на заработанное мною!

– Да. Это мой дом, он достался мне от родителей. Ты и мечтать не мог о таком. Жил на сеновале у своего зятя, забыл? Ты получил дукаты от моего отца и дяди, а теперь решил уехать отсюда?

В гневе она швыряет на пол медную кастрюлю.

– Я никуда не поеду! Это мой дом! Крыша сломана? Починим! Без тебя починим, ты же всегда в море! Уезжай, уходи, куда хочешь. Мы с сыном останемся в Баньяре.

– Нет. Ты моя жена. Сын мой. Будешь делать то, что я велю. – Тон у Паоло ледяной.

Джузеппина бледнеет.

Она закрывает лицо фартуком, бьет себя по лбу кулаками в бессильной ярости, требующей выхода.

Иньяцио хотел бы вмешаться, успокоить ее и брата, но не может, не должен, поэтому отводит взгляд, сдерживается.

– Негодяй, хочешь отнять у меня всё? Всё! – рыдает Джузеппина. – Здесь моя тетя, бабушка, могилы моего отца и

моей матери. А ты, ты ради денег хочешь, чтобы я пожертвовала всем? Что ты за муж такой?

– Прекрати!

Она не слушает его.

– Нет, говоришь? Нет? Куда мы поедем, черт возьми?

Паоло смотрит на осколки глиняной тарелки, отодвигает один носком ботинка. Он ждет, пока рыдания жены стихнут, прежде чем ответить.

– В Палермо, где мы с Барбаро открыли лавку пряностей. Это очень богатый город, с Баньярой не сравнишь!

Он подходит, гладит жену по плечу. Неловкий, грубоватый жест, но в нем робкое проявление заботы.

– Кроме того, в порту живут наши земляки. Тебе не будет там одиноко.

Джузеппина стряхивает руку мужа.

– Нет, – рычит она. – Я не поеду.

Тогда светлые глаза Паоло каменеют.

– *Нет* – это говорю я. Я твой муж, и ты поедешь со мной в Палермо, даже если придется тащить тебя за волосы до самой башни короля Рожера. Собирай вещи. На следующей неделе мы уезжаем.

Пряности

Ноябрь 1799 – май 1807

*Будешь трудиться, будут и деньги водиться.
Сицилийская пословица*

С 1796 года над Италией бушуют ветра революции, новые веяния распространяются войсками под командованием молодого и амбициозного генерала – Наполеона Бонапарта.

В 1799 году якобинцы Неаполитанского королевства встают против бурбонской монархии, провозглашая Неаполитанскую республику. Фердинанд IV Неаполитанский и Мария Каролина Австрийская вынуждены бежать в Палермо. Они вернутся в Неаполь лишь в 1802 году; республиканский период завершится жестокими репрессиями.

В 1798 году для противостояния растущему влиянию французов ряд государств, включая Великобританию, Австрию, Россию и Неаполитанское королевство, объединяются против Франции. Но уже после поражения в битве при Маренго (14 июня 1800 года) австрийцы подписывают Люневильский мир (9 февраля 1801 года), а через год по Амьенскому мирному договору (25 марта 1802 года) Британия также заключает перемирие с французами, сумев, однако, сохранить колониальные владения. Английский флот расширяет, таким образом, свое присутствие в Средиземном

море, в частности, на Сицилии.

2 декабря 1804 года Наполеон провозглашает себя императором Франции, а после решающей победы при Аустерлице (2 декабря 1805 года) объявляет низложенной династию неаполитанских Бурбонов и отправляет в Неаполь генерала Андре Массена с поручением посадить на трон своего брата, Жозефа Бонапарта, который фактически становится королем Неаполя. Фердинанд вынужден снова бежать в Палермо под защиту англичан, он продолжает править Сицилией.

Корица, перец, тмин, анис, кориандр, шафран, сумах, кассия...

Пряности используются не только для приготовления пищи, нет. Это лекарства, это косметика, это яды, это запахи и воспоминания о далеких землях, где мало кто побывал.

Чтобы попасть на прилавок, палочка корицы или корень имбиря должны пройти через десятки рук, проехать в длинном караване на спине мула или верблюда, пересечь океан, добраться до европейского порта.

Конечно, с каждым шагом их стоимость увеличивается.

Богатый человек – тот, кто может купить их, богатый – тот, кто может торговать ими. Пряности для кухни, а тем паче для медицины и парфюмерии доступны немногим избранным.

Венеция разбогатела на торговле пряностями и сборе та-

моженной дани. Сейчас, в начале XIX века, пряностями торгуют англичане и французы. Это из их заморских колоний прибывают корабли, груженные не только лекарственными травами, но и сахаром, чаем, кофе, какао-бобами.

Падают цены, расширяется ассортимент, открываются порты, увеличиваются поставки. В деле не только Неаполь, Ливорно или Генуя – и в Палермо продавцы пряностей объединяются в корпорацию. У них даже есть своя церковь – Сант-Андреа дельи Амальфитани, названная в честь любимого амальфийцами святого Андрея.

И растет число тех, кто может позволить себе продавать пряности.

* * *

У Иньяцио перехватывает дыхание.

Как и всегда.

Всякий раз, когда баркас приближается к порту Палермо, он чувствует трепетное волнение, словно влюбленный. Он улыбается, обнимает Паоло за плечи, и брат отвечает ему тем же.

Нет, он не оставил его в Баньяре. Он взял его с собой.

– Ты доволен? – спрашивает.

Иньяцио кивает, его глаза блестят, грудь вздымается, он вдыхает открывающееся перед ним величие города.

Он оставил Калабрию, свою семью, или, вернее, то, что

от нее осталось. Но теперь глаза его наполнены небом, наполнены морем, он не боится будущего. Страх одиночества — химера.

Душа замирает от красоты: бесчисленные оттенки синевы, из которой выступают стены порта, нагретого полуденным солнцем. Устремив взгляд на горы, Иньяцио гладит обручальное кольцо матери на безымянном пальце правой руки. Он надел его, чтобы не потерять. Прикасаясь к кольцу, он чувствует, что мать где-то рядом: он слышит ее голос, она зовет его.

Город перед ним обретает зримые очертания.

Купола, облицованные майоликой, зубчатые башни, черепица. Вот и бухта Кала, где пришвартованы фелуки, бригантины, шхуны. Бухта в форме сердца, заключенного между двумя полосками земли. За лесом корабельных мачт можно увидеть городские ворота и надстроенные над ними палаццо: Порта-Доганелла, Порта-Кальчина, Порта-Карбоне. Дома лепятся друг к другу, толкаются, будто хотят отвоевать себе немного места, чтобы хоть краешком фасада смотреть на море. Слева из-за крыш выглядывает колокольня церкви Санта-Мария ди Порто Сальво; чуть дальше вырисовываются церковь Сан-Мамилиано и узкая башня церкви Аннунциата, а затем, почти вровень со стенами — восьмигранный купол Сан-Джорджо деи Дженовези. Справа еще одна церковь, небольшая приземистая Санта-Мария ди Пьедигротта, и внушительный силуэт окруженного рвом замка Каstellа-

маре; чуть дальше, на одной из полосок земли, огибающих бухту, – лазарет, куда помещают на карантин заболевших моряков.

Надо всем нависает мыс Монте-Пеллегрино. За ним тянется цепочка покрытых лесом горных вершин.

Аромат поднимается от земли и парит над водой: в нем перемешаны запахи соли, фруктов, горелых дров, водорослей, песка. Паоло говорит, это запах земли. А Иньяцио думает: нет, это запах Палермо.

Из гавани доносятся звуки трудовой жизни. Аромат моря перекрывается едким зловонием: запахом навоза, пота, смолы и стоячей воды.

Ни Паоло, ни Иньяцио не замечают, что Джузеппина смотрит назад, в открытое море, словно хочет увидеть далекую Баньяру.

Она вспоминает прощание с Маттией. Для нее эта женщина не просто золовка: она – подруга, опора, помощь в первые трудные месяцы после свадьбы с Паоло.

Джузеппина надеялась, что Барбаро и Маттия приедут следом за ними в Палермо, но эта надежда враз умерла. Паоло Барбаро заявил, что предпочитает остаться в Баньяре, но будет часто наезжать в Палермо: для торговли с Севером нелишне использовать еще одну безопасную гавань. Да и жена должна заботиться о доме и детях. Джузеппина, по правде говоря, подозревала, что он стремится оградить Маттию от влияния братьев: Барбаро не очень нравились их близкие

отношения, особенно ее привязанность к Иньяцио.

Одинокая слеза катится по щеке, исчезает в складках ша-
ли. Джузеппина вспоминает шелест деревьев, подбирающих-
ся к самому морю, дорогу через Баньяру к башне короля Ро-
жера, солнечный свет, играющий на воде, на гальке пляжа.

Там, в бухте под башней, Маттия поцеловала ее в щеку.

– Не думай, что ты одна. Я попрошу писаря отправить те-
бе письмо, и ты тоже пиши. Не плачь, пожалуйста.

– Это нечестно! – Джузеппина сжала кулаки. – Я не хочу!

– Сердце мое, *кори меу*, ничего не поделать. Мы во власти
наших мужей. Держись! – Маттия обняла ее.

Джузеппина покачала головой, ей тяжело покидать свою
землю. Да, с Маттией не поспоришь: женщины всегда во вла-
сти мужей, мужа решают все вопросы. И, как умеют, держат
своих жен в узде.

Так и у них с Паоло.

Маттия выпустила Джузеппину из объятий и подошла
к Иньяцио.

– Я знала, что рано или поздно это случится. – Она поце-
ловала его в лоб. – Да хранит вас Господь, и да поможет вам
Мадонна, – перекрестила она его.

– Аминь, – ответил он.

Маттия вытянула руки и заключила Джузеппину с Инья-
цио в объятия.

– Ты приглядывай за нашим братом Паоло. Он суров со
всеми, особенно с ней. Попроси его быть добрее. Ты мо-

жешь, ты же брат, ты мужчина. Меня он не слушает, – сказала Маттия.

Вспоминая об этом, Джузеппина чувствует, как сжимается сердце. Там, в бухте, слезы признательности выступили у нее на глазах, она уткнула мокрое лицо в грубую ткань плаща золовки.

– Спасибо, сердце мое.

Маттия в ответ лишь погладила ее по голове.

Иньяцио нахмурился. Он обернулся и посмотрел на Паоло Барбаро.

– А твой муж, Маттия? Твой муж, разве он добрый, он тебя уважает? – и, понизив голос, добавил: – Ты не представляешь, как мне жаль оставлять тебя здесь одну.

– Ничего не поделать, – сестра опустила взгляд. – Он ведет себя так, как ему надлежит себя вести.

Вот и весь сказ. Ее слова – как шорох костра из сухой травы.

Джузеппина уловила в ее голосе то, о чем и сама давно знала: Барбаро был с Маттией груб, обижал ее. Их брак заключен семьями ради денег, как и их с Паоло брак.

Где им, мужчинам, понять, что у них одно на двоих разбитое сердце.

Виктория вырывает ее из воспоминаний, зовет.

– Смотрите, тетя, смотрите! Мы приплыли! – Восторженный взгляд девочки устремлен вперед. Мысль о новом большом городе – не то что Баньяра – еще до отъезда наполняла

ее радостью.

– Там будет хорошо, вот увидите, тетушка, – сказала она накануне.

– Что ты понимаешь, мала еще, – поморщившись, возразила Джузеппина. – Это не наша деревня...

– Вот именно! – не унималась Виктория. – Это город, настоящий город!

Джузеппина покачала головой: жалость, обида и гнев душили ее.

Девочка вскакивает на ноги, показывает куда-то вдаль. Паоло кивает, Иньяцио машет руками.

К ним подплывает лодка, чтобы проводить к причалу. Небольшая толпа зевак на берегу наблюдает за их швартовкой. Барбаро ловит конец троса, наматывает его на битенг. Из толпы выступает человек и машет им рукой.

– Эмидио!

Паоло и Барбаро спрыгивают на землю, здороваются с ним тепло и уважительно. Иньяцио слышит, как они негромко переговариваются. Он устанавливает сходни, чтобы помочь невестке сойти на берег. Джузеппина, задержавшись на палубе, крепко прижимает к себе ребенка, словно желая защитить его от опасности. Иньяцио поддерживает ее под руки и объясняет:

– Это Эмидио Барбаро, двоюродный брат Паоло Барбаро. Он помог купить нам лавку.

Виктория прыгает на землю, подбегает к Паоло. Серди-

тым жестом он приказывает ей помолчать.

Джузеппина замечает на лице мужа странное, едва заметное напряжение, словно пошатнулась его обычная уверенность, непреклонная решимость, которая так часто ее раздражает. Через секунду лицо Паоло снова становится упрямым и суровым. Строгий, настороженный взгляд. Если Паоло нервничает, он всегда умело скрывает это.

Джузеппина пожимает плечами. Ей все равно. Она обращается к Иньяцио шепотом, чтобы никто их не услышал.

– Я его знаю. Когда была жива его мать, он приезжал в Баньяру, – и, смягчив тон, бормочет: – Спасибо. – Склонив голову, смотрит ему не в лицо, а куда-то в шею.

Иньяцио, помедлив, идет за невесткой.

Он сходит на одетый камнем берег.

Один взгляд – и Палермо проникает глубоко в душу.

Вот он и *в городе*.

Охватившее его тогда ощущение тепла и чуда он будет с грустью вспоминать спустя много лет, когда по-настоящему узнает этот город.

* * *

Паоло зовет Иньяцио, чтобы тот помог ему погрузить вещи на телегу, которую раздобыл Эмидио Барбаро.

– Я нашел вам жилье рядом с вашими земляками из Баньяры, их здесь, в Палермо, много. Вам будет хорошо.

– Дом большой? – Паоло бросает на телегу плетеную корзину с глиняной посудой. Тарелки глухо бьются друг о друга, одна из них точно треснула. Затем два носильщика ставят на телегу *коррьолу*, сундук с приданным Джузеппины.

– Три комнаты на первом этаже. – Эмидио морщится. – Конечно, они не такие просторные, как в вашем доме в Калабрии. Я узнал про этот дом от одного нашего земляка, а тот – от своего кузена, который недавно вернулся в Шиллу. Главное, дом совсем рядом с вашей лавкой!

Джузеппина смотрит себе под ноги и молчит.

Все уже решено.

Гнев бушует, ревет внутри нее. Она пытается склеить обломки сердца, соединяет их кое-как, и эти осколки впиваются в горло, причиняя невозможную боль.

Где угодно хотела бы она оказаться сейчас. Хоть в аду. Только не здесь!

Паоло и Барбаро остаются разгружать нехитрые пожитки. Эмидио через въездные ворота Порта-Кальчина ведет Джузеппину и Иньяцио к их новому жилищу.

Звуки города обрушиваются на Джузеппину со всех сторон, они звучат грубо, безрадостно.

Воздух гнилой. И улицы все грязные, она сразу отметила. Палермо – жалкая дыра.

Впереди нее идет племянница, громко смеется, прыгает и кружится. *Чему она радуется?* – угрюмо думает Джузеппина, шаркая башмаками по грязной мостовой. *Правду го-*

ворят: у кого нет за душой ни гроша, тому терять нечего. Виктория может только получить что-нибудь от жизни.

Действительно, девочка мечтает, мечтает о будущем, о том дне, когда она перестанет чувствовать себя сиротой, которую пригрели из милости. У нее будут деньги и, если повезет, муж, не из родственников. Больше свободы, другая судьба, не та, что была уготована ей в небольшом городке, зажатом между горами и морем.

Джузеппина чувствует себя обделенной, ущербной.

За воротами дорогу обступают лавки и склады, выходящие в переулки, к ним тесно прижаты дома, похожие на лачуги. Джузеппина видит знакомые лица. Не отвечает на их приветствия.

Ей стыдно.

Она знает их, она хорошо их знает. Эти люди уехали из Баньяры несколько лет назад. *Побирушки*, клеймила их бабушка. *Жалкие бедняки, не хотят оставаться в своих краях*, добавлял дядя, упрекая их в том, что они уезжают на заработки в чужие земли или посылают своих жен работать прислугой в чужие дома. Ведь Сицилия – это другая земля, отдельный мир, который не имеет ничего общего с континентом.

Она чувствует, как бурлит внутри нее гнев: она, Джузеппина Саффьотти, не нищая, ее не гонит нужда за куском хлеба. У нее есть земля, есть дом, есть приданое.

Чем дальше в глубь улиц, тем тяжелее становится у нее на

сердце. Она не поспевает за остальными. Не хочет.

Они выходят на небольшую площадь. Слева стоит церковь с колоннами.

– Это Санта-Мария ла Нова, – поясняет Эмидио Джузеппине. – А это церковь Сан-Джакомо. Благочестивый найдет здесь себе место по душе, – добавляет он примирительно.

Она благодарит его, крестится на церковь, но мысли ее далеко. Она вспоминает о том, что ей пришлось оставить. Смотрит под ноги, на камни мостовой, на темный базальт, где в грязных лужах валяются остатки фруктов и овощей. Нет ветра, который унес бы прочь запах гниения, запах смерти.

В конце площади они останавливаются. Кое-кто из прохожих замедляет шаг, украдкой бросает на них взгляд; те, кто посмелее, здороваются с Эмидио, рассматривают их самих и нехитрый скарб, оценивают одежду, жесты, буравят любопытными взглядами жизнь новых переселенцев.

Уходите все прочь! – хотела бы закричать Джузеппина. – *Убирайтесь!*

– Вот мы и пришли, – объявляет Эмидио.

Деревянная дверь. Рядом корзины с фруктами, овощами и картофелем.

Эмидио подходит ближе, пинает одну из корзин. Он упер руки в бока и говорит так, словно читает указ на площади.

– Мастер Филиппо, я жду, когда вы это уберете! Прибыли новые жильцы из Баньяры.

Сгорбленный старик-зеленщик с водянистым глазом выходит из лавки, держась за стены.

– Ладно вам... Вот он я! – Он поднимает голову, вторым – живым – глазом скользит по Иньяцио и останавливается на Джузеппине.

– Эх, вижу, вы не торопитесь! Я просил убрать все это еще утром, – упрекает его Эмидио.

Старик шаркает к корзинам, тащит одну. Иньяцио хочет ему помочь. Эмидио кладет руку ему на плечо.

– Мастер Филиппо сильнее нас с тобой, вместе взятых.

В его словах чувствуется какой-то скрытый смысл.

Это первый урок, который Иньяцио усвоит: в Палермо обрывок фразы может значить больше, чем целое высказывание.

Кряхтя и тяжело вздыхая, зеленщик освобождает проход. На брусчатке остаются листья, апельсиновая кожура.

Достаточно одного взгляда Эмидио, чтобы все было убрано.

Наконец-то можно войти.

Джузеппина осматривается. Сразу понятно, что в доме никто не жил месяца два, а то и больше. Кухня с очагом прямо тут, у порога. Дымоход работает плохо: стена почернела, плитки майолики шербохатые, испачканы копотью. Стол и один табурет; никаких стульев. Створки деревянных шкафов разбухли от влаги. На потолочных балках паутина, пол грязный, песок скрипит под ногами.

И темно.

Очень темно.

Гнев сменяется отвращением, горькая тошнота подступает к горлу.

И это дом? Мой дом?

Она заходит в спальню, куда прошли Эмидио и Иньяцио. Комната узкая, как коридор: слабый свет проникает из зарешеченного окна, выходящего во внутренний двор. С улицы доносится журчание фонтана.

Две другие комнаты размером чуть больше кладовки. Даже дверей нет, вместо них – занавески.

Джузеппина прижимает к груди Винченцо, смотрит по сторонам и не верит своим глазам. Но все так: грязь, нищета.

Просыпается Винченцо. Он голоден.

Джузеппина возвращается на кухню. Теперь она одна: Иньяцио с Эмидио ушли. Она чувствует, как подкашиваются ноги, и тяжело опускается на табурет, чтобы не рухнуть на пол.

Солнце садится, скоро темнота накроет Палермо, и эта лачуга превратится в склеп.

Когда возвращается Иньяцио, она так и сидит, безучастная ко всему. Ребенок хнычет.

Только тогда она принимается разбирать вещи.

– Помочь? – спрашивает Иньяцио. – Скоро придет Паоло с корзинами и коррьолой. – Иньяцио невыносимо видеть выражение ужаса на лице Джузеппины. Он хотел бы отвлечь

ее, хотел бы...

– Постой, – голос у нее срывается, она поднимает голову. – Разве не могли мы найти что-то получше, не такое убогое? – спрашивает она на одном дыхании, ровно, без злости.

– Здесь, в Палермо, нет. Город... это город. Все дорого. Это не наша деревня, – пытается объяснить Иньяцио, но понимает, что слова – пустое.

Она смотрит перед собой невидящим взглядом.

– Хуже, чем сарай. *Лачуга*. Куда привез меня твой брат?

* * *

Рассвело. Пустынна площадь Сан-Джакомо, на которую выходит *путия* – лавка Флорио и Барбаро.

Входная дверь скрипит. Паоло заходит внутрь. Затхлый воздух бьет ему в нос.

Иньяцио, идущий следом за братом, тяжело вздыхает. Прилавок раздулся от сырости. Бальзамарии, сосуды для специй и аптекарские банки исчезли.

Братья недоуменно переглядываются, у обоих закипает в груди досада.

– Почему мне знать, что вы приедете сюда насовсем, – шмыгая носом, оправдывается мальчишка-подмастерье, передавший им ключи. – Дон Боттари болен, сами знаете... Неделю как не встает с постели.

Иньяцио думает, что Боттари, скорее всего, не очень-то

интересуется лавкой. Видно, что запустение здесь царит давно.

— Дай мне метлу, — говорит Паоло мальчишке. — Иди принеси ведра с водой.

Он берет метлу, начинает подметать пол. Его движения выдают еле сдерживаемый гнев. Не такой он оставлял лавку, когда в последний раз приезжал в Палермо.

Иньяцио, поколебавшись, идет в комнату за занавеской.

Грязь. Беспорядок. Повсюду валяются какие-то бумаги. Старые стулья, потрескавшиеся ступки, сломанные пестики.

Иньяцио охватывает отчаяние: они ошиблись, зря рискнули всем, что у них было. По ритмичным звукам метлы он понимает: Паоло чувствует то же самое.

Шорк, шорк.

Это шорканье — как пощечина. Все пошло не так, как они ожидали. Все.

Иньяцио собирает бумаги, вытряхивает джутовый мешок, чтобы сложить туда мусор. Большой таракан падает ему под ноги.

Шорк, шорк.

Сердце — маленький камушек, который можно сжать в кулаке. Отбрасывает таракана носком ботинка.

* * *

В полдень уборка окончена. На пороге Паоло — босой, ру-

кава рубашки засучены – вытирает разгоряченное лицо.

В лавке пахнет мылом. Мальчик протирает полки и оставшиеся альбарелло – аптекарские сосуды, расставляя их, как велит Паоло.

– А, выходит, правда! Открылись, значит.

Паоло оборачивается.

На пороге средних лет мужчина, у него светлые голубые глаза, кажется, будто они выцвели на солнце. Глубокие залысины оставляют открытым высокий лоб. На нем костюм из добротного сукна и пластрон с золотым зажимом.

Позади него – девушка с жемчужными сережками, в накидке, отделанной атласом, под руку с молодым человеком.

– Что, Доменико Боттари сдал лавку в аренду? – спрашивает молодой.

Паоло переводит на него взгляд. У юноши громкий, уверенный голос, лицо усыпано веснушками.

– Я владею этой лавкой вместе с моим братом и зятем. – Паоло протягивает для приветствия руку, предварительно вытерев ее о штаны, подвернутые на щиколотках.

– Вы – хозяева? – лицо юноши кривится в насмешке. – Хозяева сами полы моют?

– Еще один калабриец! – восклицает девушка. – Сколько их тут? Как смешно они говорят, нараспев!

– Что вы намерены делать? Тоже торговать пряностями? – пожилой господин не обращает внимания на замечание девушки.

Может, это дочь? Возможно, думает Паоло, они похожи, и очень!

Молодой подходит к нему, смотрит изучающе.

– Или будете торговать незнамо чем? У кого товар будете брать?

– Думаю, у вас связи с калабрийцами и неаполитанцами. У них будете закупать пряности? – снова спрашивает пожилой.

– Я... мы... – Паоло хотел бы остановить эту канонаду вопросов. Он смотрит по сторонам, ищет Иньяцио, но тот ушел к плотнику за досками, чтобы починить полки и покосившиеся стулья.

На углу рядом с лавкой появляется подмастерье. В руках у него ведро, он смотрит на этих двоих с благоговением. Паоло зовет его, но понимает, что нет, тот не подойдет.

Пожилый подходит к дверям.

– Разрешите? – входит, не дожидаясь ответа. – При Боттари лавка худо-бедно торговала, но с некоторых пор... – Одним беглым взглядом он оценивает ситуацию. – Вам придется поработать, прежде чем вы сможете продать что-то путное. Если не знаете, у кого покупать и как продавать, не продержитесь и дня. Бьюсь об заклад, проработаете с Рождества до Святого Стефана². – Пожилой господин потирает руки.

Паоло прислоняет метлу к стене, опускает засученные рукава. Теперь его голос не столь дружелюбен.

² С 25 по 26 декабря. (Здесь и далее, кроме оговоренных случаев, – прим. переводчиков.)

– Правда ваша. Но нам достанет и средств, и сил.

– Удача тоже не помешает. – Юноша проходит в лавку следом за пожилым господином. Рассматривает полки, подсчитывает альбарелло, читает надписи на бальзамариях. – С этим мусором далеко не уедете. Это вам не Калабрия. Это Палермо, столица Сицилии, здесь не место *голодранцам*. – Он берет бальзамарий, проводит пальцем по трещине на сосуде. – Уж не думаете ли вы, что вам пригодится этот хлам?

– Мы знаем, где брать товар. Мы – торговцы пряностями, у нас есть свое судно. Мой зять будет подвозить нам товар каждый месяц. Устроимся сами и все тут устроим. – Паоло невольно оправдывается перед этими людьми, которые над ним насмеются, хотят поставить его в глупое положение.

– А! Так вы обычные торговцы, не фармацевты!

Молодой человек толкает локтем пожилого и говорит, не удосужившись перейти на шепот:

– А что я вам говорил? Мне показалось странным... В гильдию фармацевтов не поступало запросов, и в гильдию лекарей тоже. Лавочники они.

– Да. Ты прав, – отвечает пожилой.

Паоло хотел бы выгнать их прочь: пришли, любопытствуют, задирают...

– С вашего позволения, мне нужно закончить работу. – Он указывает им на дверь. – Всего хорошего.

Старик перекачивается с носка на пятку. Бросает на Паоло насмешливый взгляд и, щелкнув каблуками, выходит из

лавки, не прощаясь.

* * *

Вернувшийся Иньяцио застаёт Паоло с напряженным лицом и дрожащими руками. Он переставляет с места на место бальзамарии и альбарелло, угрюмо смотрит на них, качает головой.

— Что тут было? — спрашивает Иньяцио. Что-то явно произошло в его отсутствие. Брат расстроен.

— Зашли три добрых человека. Двое мужчин и девушка. Набросились с вопросами. Кто такие, чем занимаетесь, как ведете торговлю...

— Любопытные люди, значит. — Иньяцио берет одну из досок, которую принес от плотника, чтобы починить скамьи и шкафы, прилаживает гвоздь, начинает забивать. — Чего хотели?

— Не знаю. Я даже не знаю, кто они. По всему видать, важные птицы.

Иньяцио останавливается. Раздражение в голосе брата — не просто неприязнь, это замешательство, может быть, даже страх. Он нахмурился.

— Паоло, кто это? Что им от нас надо?

— Подмастерье, которого прислал Боттари, рассказал. Бедняга был так напуган, что даже не подошел к нам. — Брат положил руку на плечо Иньяцио. — Приходил Канцонери. Кан-

цонери и его зять, Кармело Сагудо, он очень нагло себя вел.

Иньяцио кладет молоток на прилавок.

– *Тот самый* Канцонери? Поставщик пряностей, снабжающий королевскую армию?

– И местную знать. Да, это был он.

– Зачем он приходил?

Паоло обводит руками лавку. На стенах и на полу колышутся полутени усталого осеннего дня.

– Сказать, что у нас ничего не получится. Он так считает. – В голосе брата отчаяние, проникающее Иньяцио в самое сердце, ненавистное чувство.

Он берет молоток, хватает гвоздь.

– Пусть себе говорит!

Удар молотка.

Как будто Иньяцио хочет вернуть брату надежду, которую тот дал ему тогда, в Баньяре, когда сказал, что хочет уехать.

– Пусть говорят, что хотят, Паоло. Мы здесь не затем, чтоб голодать, мы не сбежим ночью в Калабрию, как какие-нибудь нищие. – Его голос тверд, в нем кипят гнев, гордость, негодование. Еще гвоздь, еще удар. – Мы решили жить здесь – здесь и останемся.

* * *

За Канцонери потянулись и другие аптекари и фармацевты. Любопытствовали, ходили вокруг да около, заглядывали

в окна, посылали своих служек – *посмотреть*.

Лица враждебные, насмешливые или сочувствующие. Один из них, некий Гули, по-дружески посоветовал братьям не хитрить, ибо в Палермо им это с рук не сойдет.

Палермо присматривается к ним, к Флорио. Внимательно присматривается. И не делает скидок. Что касается клиентов, то их мало.

Хотя пряностей сейчас вдоволь, причем отличного качества.

Поэтому, когда спустя какое-то время скрипнула входная дверь, Паоло и Иньяцио не верят своим глазам.

Входит женщина. В платке и переднике. Держит в руке клочок бумаги. Протягивает его Паоло: он стоит ближе.

– Я не знаю, что там написано, – объясняет она. – У мужа болит живот и сильная лихорадка. Велено купить вот это, но денег совсем мало, в аптеку пойти не могу. Я была у Гули, но он сказал, на эти гроши ничего не купишь. Вы можете мне помочь?

Братья переглянулись.

– «Лекарство от запоров», – читает Паоло. – Посмотрим, что у нас есть. Рута душистая, цветы мальвы... – он называет травы.

Иньяцио тянется к полкам, снимает аптекарские сосуды. Травы отправляются в ступку, Паоло выслушивает женщину.

– Четыре дня как муж мучается, не может встать с посте-

ли, – говорит она. – Не знаю, что и делать. – Она с тревогой смотрит в сторону Иньяцио, работающего пестиком. *Неужели они смогут вылечить его?* – Не знаю, куда и податься! Пришлось заложить серьги, чтобы заплатить доктору.

– У вашего мужа жар? Сильный? – Паоло трет подбородок.

– Места себе не находит, ворочается в постели...

– Ему плохо, бедняге... Конечно, если сильный жар... – Иньяцио показывает на большую банку у себя за спиной. Паоло все понимает.

Щепоть темной коры падает в ступку.

Женщина недоверчиво смотрит на Иньяцио.

– Что это?

– Это хина. Кора дерева, которое растет в Перу, ее используют для лечения лихорадки, – терпеливо объясняет Паоло.

Женщина волнуется, шарит по карманам. Иньяцио слышит звон пересчитываемых монет.

– В этот раз не надо платить, не беспокойтесь, – говорит он.

Она не верит своим ушам. Достает деньги, кладет на прилавок несколько тари³.

– Но другие...

Паоло накрывает своей рукой ее руку.

³ Грано, тарі и унция (онца) – сицилийские монеты того времени. Грано – медная монета, составляющая двадцатую часть одного тарі. Тарі – серебряная монета, составляла тридцатую часть унции (онца). (Прим. автора.)

– Другие – это другие, они делают так, как считают нужным. Мы – Флорио.

Так все и начинается.

* * *

Идут недели одна за другой. Приближается Рождество.

Однажды, когда колокола только пробили полдень, в лавку приходит Джузеппина. Муж и деверь откладывают в сторону банки и аптекарские весы.

– Я принесла вам обед, – говорит Джузеппина. У нее с собой корзина с хлебом, сыром, оливками. Иньяцио ставит перед ней стул, предлагает сесть, но она отрицательно мотает головой: – Мне пора. Там Виктория одна с Винченцо.

Паоло берет ее за руку:

– Не убегай.

Он просит странно мягким тоном, и она осторожно садится рядом с мужем, который протягивает ей кусок хлеба, смоченный в оливковом масле.

– Я уже поела.

Он сжимает ее руку:

– И что? Возьми еще.

Джузеппина соглашается. Но глаз не поднимает.

Иньяцио медленно жует. Смотрит на брата и невестку.

Шутят. Или, вернее, Паоло шутит. Джузеппина берет кушочки, которыми он ее угощает, но лицо у нее напряжено.

В дверь стучат.

– Кто еще там, поесть спокойно не дадут... – Паоло вытирает рот рукавом и идет в лавку. Иньяцио дожевывает последний кусочек сыра и тоже встает.

Джузеппина хватает его за рукав:

– Иньяцио!

Голос у Джузеппины суровый, ему даже кажется, это брат его окликает.

– Что?

– Мне нужна твоя помощь. Я... – Из соседней комнаты доносится звон бальзамариев. – Я хочу отправить письмо Маттии. Ты поможешь написать?

Иньяцио оборачивается:

– А разве Паоло не может тебе помочь?

– Я просила его. – Рука Джузеппины, лежащая на столе, сжимается в кулак. – Он ответил, что у него нет времени, а тут еще я со своими просьбами. Но я знаю, он просто не хочет, а когда я сказала ему об этом, он разозлился. Маттия не знает, как у нас дела, как мы устроились... Раньше мы с ней каждый день виделись в церкви. А сейчас я даже не знаю, жива ли она, я просто хочу ей написать...

Иньяцио вздыхает. Эти двое, как вода и масло: можно налить в одну чашку, но они не смешаются.

Она говорит тихо. Берет его за руку, сжимает его ладонь.

– Я не знаю, к кому обратиться. Мне и поговорить здесь не с кем, не хочу рассказывать человеку постороннему о своих

делах. Хотя бы ты, помоги мне.

Иньяцио молчит, думает. Нужно ответить: нет. Пусть обращается к писарю. Он не хочет знать, почему у нее такое несчастное лицо или почему она отталкивает Паоло.

Знать не хочет, но все равно знает: он видит и слышит их каждый день, даже если они не ругаются громко. Есть вещи, которые слышишь не ушами – их ощущаешь душой. А он любит их обоих, хоть и оказался между ними.

И тогда он, кроткий брат, терпеливый и добрый, чувствует, как внутри шевелится змея, ядовитая гадюка. Иньяцио умеет ее сдерживать, побивать камнями, он не имеет права ее выпускать. Он не может учить Паоло, как тому обращаться с женой.

Джузеппина почти кричит:

– Пожалуйста! Я прошу тебя!

Иньяцио знает, что не должен вмешиваться. Он должен уйти, сказать ей, чтобы она еще раз поговорила с Паоло.

Пальцы его руки сами собой переплетаются с ее пальцами.

И тогда он резко отдергивает руку, отвечает, повернувшись к Джузеппине спиной:

– Хорошо. А теперь уходи.

* * *

Когда Паоло спрашивает, зачем он берет домой бумагу и чернила, Иньяцио все объясняет. Видит, как у брата темнеет

лицо.

– Молодец. А вот я не хочу выслушивать ее упреки еще и в письме.

За ужином все немногословны, едят ложками из большого блюда в центре стола. В конце нехитрой трапезы – виноград, немного сухофруктов. Виктория ходит по комнате с Винченцо на руках. Баюкает.

Спи, мой сыночек,
храни тебя Бог,
баю-бай.
Выйдет на небо луна,
в колыбельку заглянет,
ветер соленый морской
тебе песню споет.

Джузеппина вытирает руки о фартук. Подходит к Виктории, целует ее.

– Идите спать. У меня есть еще дела. – Она опускается на скамью, убирает с лица прядь волос. – Ну что?

– Возьму бумагу.

Иньяцио идет в комнату, которую делит с Викторией, ищет чернила. Прислушивается к тому, что происходит на кухне.

– Почему ты не спросила меня? – говорит Паоло.

– Ты сказал, что у тебя нет времени. – В голосе Джузеппины звучит горечь.

– Ну да. – Скрип стула. – Тогда пойду спать.

Иньяцио спешит на кухню, останавливает брата.

– Я готов. Паоло, иди, напишешь и ты два слова.

Джузеппина смотрит на мужа. *Останься*, говорит ее взгляд.

И Паоло остается.

Садится, пишет. Трудный у него характер, но иначе и быть не может, детство у него было тяжелым. Гордый он, как и все Флорио.

Паоло передает бумагу Иньяцио. Тот берет перо, просит Джузеппину начинать.

– Дорогая Маттия... – Она замолкает, переводит дыхание. А после уж не может остановиться.

«Ребенок растет хорошо, братья твои работают с утра до вечера...»

«Дом небольшой, зато рядом с лавкой...»

«Нет здесь трав, которые мы собирали с тобой в горах...»

«Палермо очень большой город, но я знаю только те улицы, которые ведут в порт...»

Иньяцио сосредоточен.

Он чувствует, что *действительно* хочет сказать Джузеппина.

Винченцо – моя отрада, ведь Паоло и Иньяцио оставляют меня одну на весь день, и мне кажется, я схожу с ума в этой дыре. Дыре, потому что наш дом немногим больше, чем кладовка в лавке у братьев, и я все время одна, это невыноси-

мо, со мной лишь сын да Виктория, в этом огромном городе я одна, здесь нет тебя, здесь я теряюсь среди домов, среди грязи. Пусто и одиноко.

Наконец, Джузеппина умолкает.

Паоло подходит к жене, кладет руку ей на плечо.

– Завтра я отправлю письмо, – говорит он. Гладит ее по волосам. В этой ласке – нежность, сожаление, страх. Он хотел бы что-то сказать, но молчит. Выходит из комнаты под растерянным взглядом жены.

Зря он, думает Иньяцио, надо бы им поговорить. Надо бы ему ее выслушать. Разве не для этого заключается брак? Чтобы вместе нести бремя забот.

Разве он поступил бы не так?

* * *

– Спасибо, дон Флорио, будьте здоровы!

– Всегда в вашем распоряжении. Всего доброго!

Рождество 1799 года пролетело быстро. Прошел еще год, лавка работала. Их, братьев Флорио, не сразу, но признали. Недоверие жителей Палермо и слухи, распущенные Сагуто, зятем Канцонери, долгое время были серьезным препятствием. Многие фармацевты, отчасти из робости, отчасти от нежелания рассердить Канцонери, предпочитали обходить их стороной. Паоло хорошо помнит дни, когда он стоял на пороге в ожидании покупателей, надеялся, что кто-то

из аптекарей зайдет купить у них пряностей. Но только Сагуто проходил мимо и злорадствовал, что у них пусто. Паоло поклялся себе, что рано или поздно сотрет с его лица это наглое выражение.

Новый, 1801-й, год принес холод и дожди. Дверь закрывается с привычным, таким родным скрипом. На мгновение шум дождя врывается в лавку вместе с зимним ветром и запахом горелых дров.

Паоло осматривается, ставит на место бальзамарии, оставленные на прилавке.

Конец ушедшего года ознаменовался свирепой эпидемией инфлюэнцы. Рождественские песнопения перемежались с похоронными плачами.

Запасов хины почти не осталось. Самые известные торговцы пряностями, Канцонери к примеру, продавали ее буквально на вес золота и только нужным людям.

Затем совершенно неожиданно от Барбаро пришел товар. Как раз вечером под новый год. Ящиками с товаром была заставлена вся лавка. Слухи об этом быстро расползлись по городу. Так всегда бывает в жизни: кому-то тын да помеха, кому-то – смех да потеха. Так и случилось: на следующий день лавка заполнилась покупателями, и среди них были не только простые горожане.

Торговцы пряностями. Фармацевты. И даже некоторые лекари, кровопускатели.

Они стояли за дверью, почтительно сняв шляпы, позвани-

вая монетами в кармане, и умоляли продать им хину, которую нигде не могли купить.

Еще Паоло помнит, как Кармело Сагудо, проходя по площади Сан-Джакомо, замер и долго не мог поверить своим глазам, глядя на оживление у лавки калабрийцев, которой все безговали. Он тоже бросился в лавку, расталкивая покупателей, и кричал, чтобы Паоло показал ему хину, потому что «это неправда, вас обманывают», кричал он...

Паоло взял горсть коры и положил на прилавок.

– Кора хинного дерева из Перу. Только что привезли и уже все продали. Возмущайтесь, сколько хотите, Сагудо.

Тот отступил под смущенными взглядами врачей и травников. Его надутое спесью лицо исказилось в ухмылке. Он постоял немного, потом сплюнул и процедил сквозь зубы:

– Оборванцы.

На следующий день Канцонери пустил слух, что страдающие могут купить у него другие травы по сниженной цене, а для постоянных клиентов у него есть выгодное предложение. Но убытки он все-таки понес.

– Не все тебе жировать, надо и другим оставить кусок, – сказал тогда Паоло.

Он уже понял. Надо действовать.

Именно в тот момент началось превращение бедняка из Баньяры в дона Паоло Флорио.

Теперь это имя стоит на векселях и прочих бумагах, на договорах, подписанных торговцами, которые оценили его

товар и вернулись, чтобы купить еще.

Паоло ставит на полку последнюю банку.

Что правда, то правда: та поставка хины оказалась большой удачей. Но все, что за ней последовало, одним везением не объяснишь.

За окнами, под дождем, бежит их рассыльный Микеле. Он прижимает к груди ящик, покрытый парусиной. Входит, стряхивает с себя капли.

– Льет как из ведра! – восклицает он, опуская ящик на прилавок. – Вот! Мускатный орех и тмин. Я взял еще немного белого бадьяна, он почти закончился.

– Как на складе?

– Холодно. И сыро, но, когда так льет, ничего не поделаешь.

– Влажность пряностям во вред, – вздыхает Паоло. – Потом пойдешь с Доменико, поднимете наверх мешки и подоткнете двери бумагой.

Молодой человек кивает, исчезает в чулане. Они убрали занавеску и поставили дверь, перекрасили ставни.

И это не единственное изменение.

В лавке становится тесно.

Паоло и Иньяцио арендовали склад на виа Матерассай в районе Кастелламаре. Там они держат товары, прибывающие со всего Средиземноморья. Это правильный ход, ведь теперь у них покупают травы и пряности другие торговцы.

Он зовет Микеле.

– К вашим услугам, дон Паоло.

– Я ухожу. Иньяцио задерживается. Думаю, с таможенной возникли проблемы. Присмотри за лавкой.

Дождь, холодный, неприветливый, вызывает озноб. Паоло пересекает площадь Сан-Джакомо, смотрит на свой дом: сквозь ставни просачивается полоска просвета. Должно быть, Джузеппина стряпает.

И Винченцо...

Винченцо – умный ребенок. По вечерам Паоло наблюдает, как Виктория играет с малышом или как Иньяцио показывает племянникам буквы алфавита.

Паоло видит, как жена подходит к двери, чтобы выплеснуть из таза грязную воду. Она не могла не заметить его, это очевидно, но даже не помахала ему рукой.

Втянув голову в плечи, он идет быстрым шагом к палаццо Стери. Джузеппина никогда не любила его. Он знает, что это так, но не переживает: он занят своим делом. Плавает за товаром, работает в лавке – так проходят его дни.

Лишь иногда ему нестерпимо хочется нежного объятия, чтобы уснуть в тепле и ласке.

* * *

Джузеппина с грохотом закрывает дверь. Мимо дома проходил Паоло, она его видела.

Кто знает, куда он направляется.

Она чувствует, как сжимается грудь.

На сердце темно, говорили в Баньяре.

У нее на сердце темно. Она ненавидит этот дом. Ненавидит этот город, эту сырость. Всю зиму и в дождь приходится закрывать окна и зажигать светильники.

И сегодня что за день! Ей нездоровится, пришлось остаться в постели, хорошо, что Виктория помогает с домашними делами.

Джузеппина беременна.

Уже несколько дней, как она в этом уверена. *Красных дней* не было, и грудь болит.

Не хватало родить еще одного ребенка здесь, в Палермо, в мрачном доме, без света.

Нужно сказать Паоло, думает она. Но не знает, ни как, ни когда это сделать.

Сказать правду? А хочет ли она этого?

Паоло она не доверяет. Скорее, робеет при нем и даже боится. Иногда благоговейное уважение, которое жена должна испытывать к мужу, превращается в жгучую злобу, в лезвие ножа, впивающееся ей в живот. Его ребенок? Еще один?

Она стыдится думать об этом, но ведь ребенок может и не родиться.

Тогда она надевает на голову шаль, ноги всовывает в башмаки. Выходит из дома, идет по периметру площади Сан-Джакомо, спускается к порту. Там, в одной из лачуг за городскими стенами живет повитуха из Баньяры, Мариучча Коло-

зимо. Джузеппина подходит к ее домику. Останавливается в нерешительности. Из-за дверей доносился запах мыла и чистого белья.

– Донна Мариучча! Вы здесь? – кричит Джузеппина, набрав полную грудь воздуха.

Повитуха появляется на пороге. Лицо у нее словно высечено из туфа, губы тонкие. На лбу капельки пота.

– Донна Джузеппина... щелок варю для стирки. Вы ко мне? – спрашивает она, вытирая о фартук покрасневшие руки.

Джузеппина немного колеблется. То, что она задумала, это грех. Мадонна отворачивается, когда женщина хочет избавиться от ребенка, так говорила бабушка.

И все же...

Джузеппина подходит к повитухе, шепчет почти в самое ухо.

– Могу ли я навестить вас в ближайшее время?

Мариучча склоняется к ней. От нее пахнет сеном и молоком.

– Когда хотите. Что, яйцо в гнезде?

Она кивает.

– Мой муж еще не знает, – продолжает она шепотом.

Повитуха выпрямляет спину. Она ни о чем не спрашивает. Она все понимает и знает, что женщины часто молчат о том, что мужчины попросту не могут понять.

– Я здесь. Буду вас ждать.

Джузеппина кивает, повитуха исчезает за дверью.

Медленным шагом Джузеппина возвращается домой. Шаль насквозь промокла, вода течет за корсет. Под этими плотными, тяжелыми каплями трудно идти. На площади Сан-Джакомо она бросает взгляд на лавку. За стеклом мелькают силуэты – наверное, покупатели.

Вздыхает. Если бы бабушка выбрала ей в мужа Иньяцио, возможно, все сложилось бы иначе.

Она вспоминает, как много лет назад хоронили ее родителей после землетрясения, разрушившего Баньяру. В памяти всплывает лицо мальчика, красное от слез, заостренный подбородок, добрые глаза, взгляд прикован к холмику земли, под которым похоронена его мать, Роза. И она, Джузеппина, потерявшая обоих родителей, худая как щепка, сжимает кулаки, злясь на весь мир, отобравший у нее маму и папу. Она подошла к мальчику, протянула платок – вытереть сопливый нос.

– Не плачь, – упрекнула она его. – Мужчины не плачут. – Она сказала это с горечью, может быть, потому, что завидовала его слезам, ведь у нее самой слез больше не было. Он посмотрел на нее, шмыгнул носом. И ничего не сказал.

* * *

Джузеппина входит в дом. Подол юбки мокрый, шаль – хоть выжимай. В глазах у Виктории вопрос.

– Вы вся мокрая, тетушка! Что-то случилось?

– Нет, ничего... ходила к Мариучче кое-что узнать.

Винченцо отвлекает ее, дергает за юбку:

– Мама, на ручки!

Джузеппина обнимает его, вдыхая теплый запах в складках кожи. Сын – единственное благо, которое дал ей муж. Ей достаточно одного ребенка, она не хочет другого, того, что растет сейчас в утробе, отнимает ее силы и здоровье. Что, если он будет похож на отца?

Паоло ей противен. Старые обиды крепко засели в груди. Ей хотелось и мужа, и детей, но если бы она знала, что брак таков, то убежала бы в горы.

Конечно, Паоло относится к ней с уважением. Но для него важны только работа и деньги. Даже на Рождество он ушел в лавку – считать полученный товар, а она осталась с Викторией есть каштаны.

Иньяцио, тот другой.

* * *

Дождь хлещет с новой силой. Время близится к полудню. Паоло проходит в проездные ворота со стороны таможни, что находится внутри палаццо Стери: куб, прорезанный узкими окнами-бифориями, крепость внутри города. Давным-давно это был дворец семьи Кьярамонте, затем Инквизиция приспособила его под тюрьму, а еще позднее там раз-

мещались казармы. Немой свидетель истории города.

Паоло вместе с носильщиками и торговцами укрывается от дождя под портиками в проходе, соединяющем два внутренних двора.

Из своего укрытия Паоло видит Иньяцио, тот через двор бежит за кем-то и что-то громко ему доказывает. Он узнал их, окликнул:

– Паоло! Иньяцио!

Они не слышат его. Паоло Барбаро толкает Иньяцио, тот взмахивает руками.

Паоло выбегает из своего укрытия.

– Что с вами? Что происходит?

– Ты тоже хорош! – набрасывается на него Барбаро. – А я-то, молодец, змею на груди пригрел! Так вы благодарите меня за то, что я давал вам хлеб, когда вы умирали с голоду? Берете внаем, а мне ни слова? И даже сделку подписываете от своего имени?

– Что ты имеешь в виду? – Паоло не понимает, смотрит на зятя, смотрит на Иньяцио. – В чем дело?

– Один из работников Канцонери сказал ему, что мы арендовали склад, и теперь он думает, что мы хотим его обмануть... – пытается объяснить Иньяцио.

– Разве не так? – горячится Барбаро. – Почему я узнаю от посторонних о ваших делах? Мы же партнеры и родственники, а вы меня обманываете! Вспомните, кто вкладывает свои деньги?! Стоит мне захотеть, вышибу из-под вас опору!

– Ты что? В своем уме? – взрывается Паоло. – Кто здесь работает, ты или мы? Это мы навели в лавке порядок, открыли торговлю. Когда мы жили в Баньяре, ты говорил, что здесь отличное место, а мы нашли сырость да гниль! Сейчас к нам приходят люди, деньги крутятся. И вместо благодарности мы получаем от тебя упреки? Поработай-ка с наше и поймешь, что мы правильно сделали, арендовав склад. Чего ты завелся?

– Кем вы себя возомнили? Всё решили, не согласовав со мной!

– Зачем? Разве надо у тебя получать разрешение?

Барбаро хватает его за грудки, толкает. Иньяцио успевает встать между ними, прежде чем брат даст сдачи.

– Прекратите! На нас смотрят, – шипит он.

На них уставились десятки горящих гневом глаз.

– Пойдем в лавку. Поговорим там.

Они уходят. Барбаро впереди. Паоло и Иньяцио за ним. Далекие. Идущие рядом.

* * *

Кармело Сагуто тоже укрылся под портиками, наблюдает за сценой. Не торжествует, не проявляет радости.

По крайней мере, с виду.

Флорио удаляются из палаццо Стери, а к Сагуто подходит дон Канцонери.

– Видели, как разошелся калабриец?! Я думал, они подерутся!

– Ты ни при чем, ведь так? – кивает тесть.

Кармело разводит руками. Посмотреть на него – сама невинность, пропитанная ядом.

– Я? Я ни при чем. Это Леонардо, грузчик, болтает почем зря. – Сагуто ни за что не признается, что именно он подстрекнул работника к подобным речам, рассказывая всем на таможне, что братья Флорио не ладят друг с другом и что они в долгах как в шелках. Возводить напраслину – его любимое оружие, и тесть об этом знает. Поэтому и приблизил зятя, сделал его ближе собственных детей.

Оба смеются.

– Поехали! – Канцонери садится в экипаж. – Едем домой! – И, обернувшись к зятю, добавляет: – Видишь, как бывает, когда имеешь дело с родственниками? Мало того, что надо стараться не ударить в грязь лицом, – нужно знать свое место.

Смех Сагуто внезапно смолк.

– Что я, не знаю? Разве я хоть раз проявил неуважение к вам или к шуринам?

– Вот именно! Не забывай, чем это может кончиться! – Канцонери стучит тростью по крыше, экипаж трогается с места. – Ты – парень не промах, все видишь, все понимаешь. Верный пес, который знает свое место, так?

Сагуто соглашается, хоть внутри у него все кипит от зло-

сти. Он – верный пес. Он знает свое место и каждый раз, смотрясь в зеркало, напоминает себе об этом. В отличие от него эти калабрийцы свободны, они ничего не боятся, ни у кого ничего не просят. Вот почему он ненавидит братьев Флорио: он никогда не станет таким, как они.

* * *

В тот вечер Паоло Барбаро не ночует у Флорио, как обычно, когда бывает в Палермо. Спор – жаркий, временами яростный – продолжался долго. Паоло не выдержал, ушел в лавку, хлопнув дверью, устав оправдываться и твердить, что не собирался никого обманывать. Иньяцио остался дальше объясняться. Терпеливо. Спокойно.

Наконец Барбаро стал прощаться с Джузеппиной.

– Пусть твой муж хорошенько подумает! – сказал он ей на пороге. – Или все полетит к чертям, я не собираюсь иметь дело с обманщиками.

Джузеппина не ответила. Что может сказать *домохозяйка*? Одно она знает точно: Паоло и Иньяцио – честные люди. Ее муж всегда посвящал работе больше времени, чем семье. А Иньяцио и подавно, этот, если бы и хотел, не смог бы никого обмануть.

Ужинают поздно, когда возвращается Паоло. Никто не вспоминает про ссору с Барбаро.

У Иньяцио усталый вид, воспаленные глаза. Не ожида-

ясь, пока все закончат ужин, он идет спать. Виктория и Винченцо за ним.

Паоло и Джузеппина остаются одни.

– Пойдем спать? – Паоло сжимает в руках глиняную чашку.

Джузеппина не отвечает, продолжает убирать посуду.

Паоло ставит чашку на стол. Подходит к жене, обнимает за бедра. Джузеппина все понимает.

– Не надо. Оставь меня.

Он не отпускает ее, прижимает к себе.

– Ты всегда мне отказываешь. Почему?

– Я устала.

Паоло сжимает ее еще крепче.

– А мне что делать? Умолять тебя дать мне немного того, что мне положено? Разве я не могу просить об этом жену? – В его голосе слышится упрек. Он так придавил ее к столу, что Джузеппине кажется, он овладеет ею сейчас же, немедленно, не думая о том, что их услышат. Она отталкивает руку, задирающую ей подол, вырывается из его объятий.

Но и она чувствует в теле дрожь, предательское желание, которое трудно сдержать.

– Нет. Отпусти меня, я сказала!

Паоло останавливается. Ему хочется закричать, отхлестать ее по щекам или уйти из дома, хлопнув дверью, найти уличную женщину, которая удовлетворит его желание. Ему не так много и надо: чуть-чуть ласки, чуть-чуть утешения.

Больше ничего.

Он берет ее за руку и ведет в комнату. Раздевает. Она не открывает глаз, пока муж ищет любовь, которую она должна дать ему.

* * *

В соседней комнате, за занавеской, служащей дверью, Иньяцио проснулся от холода. Всматривается в темноту. Вслушивается.

* * *

На следующее утро Джузеппина встает затемно. Наскоро одевается. Муж спит. Она не смотрит на него.

Открывает двери. Зима безжалостно набросилась на Палермо.

Не считая редких прохожих, идущих к бухте Кала, площадь Сан-Джакомо пустынна. Джузеппина зажигает огонь, чтобы было чуть светлее, нарезает хлеб, достает мед. Берет миску с сыром и ставит на стол. На пороге появляется Виктория, бормочет: «Доброе утро» и уходит одеваться.

Внезапная острая боль заставляет Джузеппину замереть, положив руку на живот.

Ее учили, что детей посылает Господь и отказываться от

них – смертный грех. Говорят, Бог дал, Бог и взял, она верит в это и знает, что Он накажет ее, если она навредит своему ребенку. Но как быть, если у нее нет никаких чувств к нему? С Винченцо все было по-другому, она привязалась к нему еще до того, как он появился на свет. Жизнь, которая сейчас растет внутри нее, совсем чужая...

Нет, возможно, это вопрос времени, повторяет она, стараясь убедить себя. Нужно привыкнуть, природа возьмет свое, снова научит быть матерью.

А может, грех уже в том, что она больше не хочет детей? Эта мысль будет преследовать ее долгие годы. Она – как гвоздь, который проворачивают внутри.

Еще один приступ. Нужно сесть, глубоко подышать. Входит Виктория.

– Тетя, что с вами?

– Ничего, прихватило немного, по-женски.

Виктория еще ребенок, но многое уже понимает.

– Посидите. Я все сделаю, – говорит девочка. Она расторопна и умна. Накануне вечером она слышала звуки, доносившиеся из тетиной комнаты, сообразила, что к чему. Виктория твердо знает: она найдет себе мужа, который не будет командовать дома, как ее дядя. Она хочет, чтобы муж уважал ее, выслушивал, и неважно, что тетя считает, что так не бывает.

Вскоре вся семья собирается за столом. От дверей тянет холодом.

Едят быстро, втянув головы в плечи. Иньяцио и Паоло заворачиваются в плащи и уходят, один направляется в таможню, другой – в лавку.

Но Паоло возвращается. Подходит к жене, обнимает ее. Джузеппина не отвечает на ласку, смотрит, как он уходит.

* * *

Подмести пол, убрать постели, почистить овощи, натереть до блеска кастрюли. Виктория возвращается с посиневшими от холода руками. Она принесла воды из фонтана. Винченцо хочет гулять, просится во двор. Усталость Джузеппины растет с каждой минутой, вместе с болью в животе. Она хотела бы отдохнуть, но нельзя: еще стирка, и надо варить щелок. Пот течет у нее по спине и меж грудей.

Внезапно Виктория замирает.

– Тетя... – бормочет она, прикрыв рукой рот. – Что с вами?

Джузеппина опускает взгляд. Темные пятна на юбке.

– Это...

Джузеппина вдруг понимает, что тепло, которое она ощущает меж ног – это не пот, а кровь. Ей становится страшно, голова кружится. Она тихо просит девочку сбегать к повитухе и падает без чувств.

Босиком по блестящей от дождя мостовой Виктория спешит на виа Сан-Себастьяно. Поскользнувшись, падает, встает и бежит дальше. Нужно отыскать Мариуччу, вроде это она повитуха из Баньяры. Паоло говорил, что в лавку приходят женщины и девушки, просят дать им трав, которые она советует.

Девочка находит нужный дом.

– Тетушка Мариучча, у моей тети кровотечение! – кричит она, испугавшись, что последний оплот, все, что осталось от ее семьи, тоже рухнет. – Она упала в обморок! Скорее, скорее!

– Кто, кто? – В окне появляется женская голова в платке.

– Донна Джузеппина, жена дона Флорио. Скорее!

– Святая Анна, спаси и помилуй!

Голова исчезает. Слышен громкий топот по лестнице, и вот уже Мариучча с корзиной в руках стоит перед Викторией.

– Успокойся. Рассказывай, что случилось?

– Мы хотели стирать белье, и я заметила, что у нее испачкано платье.

Вдруг знакомый голос перебивает ее:

– Виктория? Что ты здесь делаешь?

– Дядя Иньяцио! – Девочка бросается в объятия дяди. Не

может сдержатъ рыданий.

— Что случилось?

Виктория рассказывает, что произошло, Иньяцио бледнеет.

— Как... она беременна?

Девочка дрожит от холода, мотает головой.

— Я ничего не знаю, дядя.

Иньяцио обнимает племянницу, укрывает ее своим плащом.

— Микеле, отнеси товар на склад и скажи Паоло, чтобы шел домой. Быстро!

Они бегут к площади Сан-Джакомо.

Мариучча опередила их.

Она на коленях, склонилась над Джузеппиной. Та пришла в себя, беззвучно плачет. Платье завернулось высоко, до самых бедер. Из соседней комнаты доносятся крики Винченцо. На полу — пятно крови.

— Виктория, иди к Винченцо, успокой его, — шепчет Джузеппина.

Девочка послушно идет в комнату, не в силах оторвать глаз от пятна на полу. Крик ребенка внезапно стихает.

Мариучча поднимает голову.

— Только вы здесь?

— Я ее деверь. Нужно...

Повитуха машет рукой.

— Ничего уже не поделаешь. Помогите уложить ее в по-

стель.

Иньяцио стоит неподвижно.

– Она была беременна?

Повитуха кивает. Берет из корзины чистую тряпку, вытирает Джузеппину. Та стонет от боли и стыда, прячет лицо в руках повитухи.

– Да. Ей не стоило утомляться. Но теперь что говорить...

Иньяцио снимает плащ, поднимает с пола Джузеппину, отстраняя Мариуччу.

– Идите вперед, – говорит он тоном, не допускающим возражений. – Я отнесу ее.

– Ты испачкаешь одежду. – Джузеппина слабо стонет. – Всегда ты со мной, – добавляет она, вцепившись в его рубашку. – Ты, а не он.

Последнюю фразу она произносит тихо, так тихо, что ему кажется, он плохо расслышал. Но это не так, это множит его боль.

Мариучча устилает постель тряпками и полотенцами, чтобы не запачкать матрас, потому что сейчас ей придется довести до конца начатое природой.

– Разве Паоло не знал? – шепчет Иньяцио.

Джузеппина мотает головой. Она плачет, и он не знает, как ее утешить, он может только попросить прощения. Бормочет невнятные слова, мокрые пряди волос падают ему на лицо. Он помогает ей лечь, собирается уйти, но мешкает, берет ее руку, целует ладонь. А потом уходит, он не хочет, что-

бы акушерка заметила тот ад, который он носит в себе.

* * *

Когда Паоло возвращается домой, Виктория, стоя на коленях, оттирает пол.

– Тетя там, – говорит она тихо, кивая в сторону спальни. Она погружает руки в красноватую воду, отжимает тряпку, трет пол.

Паоло подходит к ней.

– Тебе не следует этого делать.

– А кому, если не мне? – удивленно спрашивает Виктория с ноткой упрека.

Внезапно Паоло понимает, что она выросла, что она почти женщина. Но она не дает ему договорить.

– Тетушке было плохо уже несколько дней, ее тошнило, она быстро уставала. Вы не заметили? – спрашивает она. Серьезная, строгая.

Паоло что-то бормочет, мотает головой. Чувство вины сдавливает ему сердце, сжимает его в комок. Теперь он многое понимает. Даже ее бунт прошлой ночью.

Виктория молча смотрит на него. Она встает, выливает грязную воду за дверь. Ее темные, спокойные глаза не обвиняют. В них – боль. Сострадание. Понимание.

– А где Иньяцио? Винченцо?

Девочка берет тарелку, мелко режет овощи, чтобы приго-

товить мясной бульон, каким поят рожениц.

– Дядя Иньяцио пошел с Винченцо погулять, чтобы не мешать здесь, пока донна Мариучча работала. – Голос у нее смягчился. – Идите к тете. Нельзя оставлять ее одну. Бедняжка, она думает, что это ее вина.

Значит, это моя вина? Моя, ведь я даже не заметил, что ей плохо.

Он стоит на пороге спальни и смотрит на жену с болью и сочувствием. Если бы он знал, то накануне не стал бы настаивать.

Осторожно подходит к ней.

– Ты могла бы сказать мне.

В этом нет упрека, только горечь. Он чувствует себя беспомощным. В его глазах боль, чувство вины снедает его.

– Почему ты ничего не сказала мне? – настаивает он.

Из-под прикрытых век по щеке Джузеппины катятся слезы, следуя проторенной тропинкой. Паоло присаживается к ней на кровать.

– Не плачь. Пожалуйста. – Он вытирает ей слезы. – Может, был бы еще сын. Видно, не судьба.

Джузеппина лежит неподвижно, смотрит в стену. Никаких извинений, ни слова «прости», не то что Иньяцио.

Мариучча бесшумно выскальзывает из комнаты.

Бухта Кала пустынна. Холодно. На набережной несколько носильщиков и моряков. Ветер яростно хлещет городские стены, полощет развешанное белье, с шумом захлопывает ставни.

– Вон тот корабль?

Винченцо на руках у Иньяцио, обнимает за шею, указывает в море. Дядя закутал его в свой плащ, чтобы защитить от трамонтаны, холодного северного ветра. Церковь Пьедигротта закрыта, у ворот нет даже нищих. По стене замка Каstellамаре ходит часовой, придерживая шляпу.

– Да, это баркас. На нем мы приплыли сюда, когда ты был маленьким.

– Очень маленьким?

– Очень. Таким маленьким, что помещался в корзине.

Винченцо вырывается. Иньяцио опускает его на землю, мальчик подходит к каменному краю парапета, смотрит вниз, на темную воду. Верх якоря, покрытого водорослями, погружен во тьму.

– А море очень глубокое?

– Очень, Виченци, – отвечает Иньяцио. Он берет ребенка за руку. У Винченцо темные доверчивые глаза, волосы светлые, как у Паоло. – Глубже, чем ты можешь себе представить. Ты знаешь, что далеко за морем, отсюда не увидать,

есть другая земля?

– Да, знаю. Там Баньяра. Мама всегда рассказывает мне о ней.

– Нет, не Баньяра. Еще дальше, там Франция, Англия, Испания, еще дальше – Индия, Китай и Перу. Страны, куда приходят корабли, которые гораздо больше этого, они вежут пряности, вроде тех, что мы с твоим отцом продаем, а еще шелка, ткани и разные товары, какие и представить себе невозможно.

На лице у ребенка удивление. Дядя сжимает его дрожащую ручонку. Ему хотелось бы побежать, но дядя держит крепко, боится, что малыш поскользнется и упадет в воду.

– Что такое шелк, дядя Иньяцио? – Он еще плохо выговаривает букву «ш».

– Шелк... – повторяет Иньяцио. – Это дорогая ткань для очень богатых людей.

– Шелк... – малыш шепчет это новое для него слово. – Я тоже хочу одежду из шелка. Хочу, чтобы у мамы было шелковое платье.

Иньяцио снова берет его на руки. Мальчик зарывается лицом в его плащ, вдыхает теплый запах, знакомый аромат специй, дающий ощущение защиты. Они идут по направлению к виа Матерассаи.

– Тогда ты должен много работать. Шелковые одежды стоят дорого, – объясняет Иньяцио. Ему легко говорить с малышом. Винченцо умный ребенок. Очень умный.

– Я буду работать, дядя Иньяцио, – он отвечает не сразу, после долгой паузы, каким-то странным, низким голосом. Как будто дает зарок.

* * *

Дверь в лавку все так же скрипит, но прилавки заменили вместе с сосудами для трав и специй.

Ставни починили и покрасили. На них теперь только одна фамилия: Флорио.

Идет февраль 1803 года, уже месяц как распался союз Паоло Барбаро и Паоло Флорио.

После той размолвки на таможне последовали и другие. Последняя случилась совсем недавно – из-за поставок слоновой кости и корицы.

Паоло отправился тогда в бухту Кала, узнав от Микеле, что приплыл корабль Барбаро, но зять не пришел в лавку, как обычно. Барбаро был в порту, о чем-то говорил с лавочником по фамилии Куратоло. Они только что заключили сделку. Барбаро продал ему весь товар по смешной цене.

Куратоло ушел, не попрощавшись, на его лице было написано смущение. Паоло ничего не оставалось, как смотреть вслед товару, уходящему вместе с конкурентом. Не верилось, что зять мог так поступить. Паоло не выдержал, набросился на Барбаро:

– Как же так? Ты отдал ему всю слоновую кость? Что мы

теперь будем делать?

– Мы? Думаешь, есть «мы», а не «ты»?

– Но это был наш товар. Зачем ты это сделал?

– Разве ты не так со мной поступаешь? – злобно ответил Барбаро. – Тебе плевать на меня, а мне плевать на то, что тебе нужно. Это я оставлю себе. – Он позвенел монетами в кармане.

Паоло пошел прочь. Гордость его была уязвлена. Придя домой, все рассказал брату и Джузеппине. Запретил ей иметь дело с Барбаро, в том числе и с Маттией.

Союз Флорио и Барбаро распался в кабинете нотариуса. Они продали баркас и часть оставшегося на складах товара, а деньги поделили. Не глядя друг на друга, поставили на листе бумаги две или три подписи. Паоло Флорио выкупил лавку, Паоло Барбаро ушел с виа Матерассаи, чтобы попытать счастья в другом месте, на виа Латтарини, где находились склады других переселенцев из Баньяры.

Раны этой войны долгое время давали о себе знать. Холодное раздражение, сменившее гнев, угнездились в их душах.

* * *

Винченцо идет за матерью, останавливается, глазеет по сторонам. С сосредоточенным видом посасывает лакричную палочку. Теперь, когда он сам ходит и бежит, мир кажется

ему огромным.

Он заносит ногу над лужей, но окрик Джузеппины его останавливает.

– Куда?! Смотри под ноги! Тебе четыре года, ты уже не маленький!

Он виновато смотрит на нее. Мать вздыхает, не может долго на него сердиться. Винченцо – единственная настоящая любовь в ее жизни.

Вокруг них разноголосая толпа. Какой-то крестьянин пытается сбывать свои апельсины английскому торговцу в суконной куртке и сапогах. Повозка мешает прохожим, кто-то возмущается.

– No, I won't buy those⁴... апельсины. Они гнилые!

– Гнилые! Разве они гнилые?! Хороший товар, отличный! – Он берет один апельсин, вертит в руках, но англичанин ни в какую, отмахивается от мошек, облачко которых роится над фруктами.

Наблюдающий эту сцену неаполитанский моряк воздевает руки к небу.

– Неужто бедные христиане из ума выжили? Хороший товар с мухами предлагают...

Люди из разных стран, разная речь. С тех пор как французы вернулись в Тирренское море, миру пришел конец. Англичане опять объявили войну Франции, а Наполеон возобновил военные действия, нападая на корабли, бо-

⁴ Нет, я не стану покупать эти... (англ.)

роздившие Средиземное море. Торговцы не чувствуют себя в безопасности, а англичане, которые раньше были хозяевами морской торговли, оказались загнанными в угол. Палермо, как и вся Сицилия, превратился в безопасную гавань, не подвластную французскому влиянию. А главное, эта гавань находится в центре Средиземноморья, – вот почему Палермо заполнили торговцы и моряки со всей Европы. Французские специи приходят из портов Северной Италии, английские – с Мальты и не только. Прибывают товары из Турции, Египта, Туниса и Испании.

Джузеппина плохо разбирается в этом. Не женское это дело, часто повторяет она Виктории, которая хочет все знать и вечно донимает Иньяцио расспросами.

Джузеппина подходит к лавке. За стеклом виден прилавок, за ним – Паоло, который беседует с женщиной в бархатном костюме. Впереди, почти напротив церкви, стоит расписной паланкин.

Мать и сын входят в лавку. Паоло замечает их, делает знак Винченцо молчать. Продолжает разговор с покупателем.

– Наша хина чистейшего свойства, уважаемый барон. Мы получаем ее прямо из Перу и поставляем большинству фармацевтов Палермо... Понюхайте, какой аромат! – Он набирает горсть коры. Она темная, рассыпчатая. Щепки падают на прилавок.

– Какой сильный запах! – Покупатель морщит нос.

– Потому что мы умеем ее хранить! – Паоло понижает го-

лос. – Хотите, приготовлю вам немного, смешав с железом, верно?

– Да, спасибо. Знаете, как бывает... дух еще молод, а тело... увы, подводит. Оружие у меня уже не то, что раньше... можете себе представить, как неприятно, когда приходится отступать в некоторых обстоятельствах, – заключает он, немного смутившись.

– Тогда железо придаст вам сил. Добавим семена фенхеля и лимонную цедру, это защитит вас и от лихорадки. Запишу на счет за товар за прошлую неделю?

– Нет, хотя... – смущение и гордость борются в нем. – Вот, заплачу по последним счетам. Теперь мы в расчете. – Монеты поблескивают в его руке. – Благодарю. Я знаю, что могу положиться на вас. Я пришел сюда, а не к вашим титулованным коллегам, потому что мне сказали, вы умеете молчать.

– Считайте, как ваш исповедник!

Паоло учтив, но без раболепия. Дворяне в Палермо – удивительный народ. Держатся за свои привилегии, как собака за кость. Ходят в золоте и бархате, а сами в долгах как в шелках. Перепродают и закладывают дома и поместья, которые больше не могут содержать, тасуя их, как карты в крапленой колоде.

Винченцо улучил момент, вырывается из рук матери.

– Папа, папа! – кричит он, цепляясь за край прилавка, тянет вверх ручонку.

Паоло поворачивается к сыну. В глазах досада.

– Я занят, Виченци.

Пальцы ребенка скользят по дереву, разжимаются. Он обходит прилавок и бежит в контору, знает, что там дядя. Иньяцио склонился над бухгалтерскими книгами.

– Дядя Иньяцио!

– Что ты здесь делаешь? – Он сажает ребенка на стол. Отодвигает чернильницу, снова принимается писать, пролистывая счета. – Ты пришел с мамой?

– Угу, – ребенок сосет лапшу и болтает ногами. – Пахнет вкусно. Это гвоздика, да? – добавляет он, принюхиваясь.

– Гвоздика, да. Только вчера получили. Пожалуйста, не болтай ногами, – Иньяцио гладит его по колену. – Что случилось с мамой?

– Принесли бумагу. Какой-то моряк. Она очень разволновалась, когда увидела ее.

– Бумагу? Может быть, конверт?

– Угу.

Иньяцио поднимает голову. Волнение пробегает дрожью по его спине.

– К кому она пошла, чтобы прочитать?

– К одной из служанок из палаццо Фиталия, той, которая все знает о своей хозяйке и рассказывает маме и тете Мариучче.

Иньяцио тяжело вздыхает. *Вот именно. Этого еще не хватало!* Прошло больше двух лет с тех пор, как Джузеппина потеряла ребенка. С тех пор она и брат еще больше отдали-

лись друг от друга, Иньяцио видит. Они живут вместе, но жизнь у каждого течет по своему руслу. Два чужих человека, вынужденных существовать под одной крышей.

Джузеппина потихоньку со всем смирилась. Она привязалась к акушерке, Мариучче, которая стала ей самой близкой подругой. Потом познакомилась еще с двумя девушками из Калабрии, одна из которых Роза, горничная, это ее имеет в виду Винченцо. Ужасная сплетница, как считают они с Паоло. Брат ее просто терпеть не может.

– И что случилось потом?

Малыш вынимает изо рта лакричную палочку. Лицо его становится серьезным.

– Она заплакала. А потом привела меня сюда, чтобы поговорить с отцом.

Иньяцио замер. Перо на секунду замерло в воздухе, прежде чем снова опуститься в чернильницу.

Джузеппина не из тех, кто легко плачет.

Иньяцио прислушивается к происходящему в лавке. Слышит, как Паоло прощается с покупателем. Слышит голос невестки. Он делает племяннику знак, чтобы тот сидел тихо. Встает у дверей, оставаясь незамеченным.

– Ну, что стряслось? – говорит Паоло.

Джузеппина достает конверт. Протягивает мужу.

– Это от Маттии. Она в отчаянии, просит нас помочь ее мужу. Он на Сицилии, заболел и остался совсем один. А мы здесь, в Палермо...

В лавке воцаряется тишина.

Рука Джузеппины повисла в воздухе, Паоло не сразу берет письмо.

Рвет его на мелкие кусочки.

– Ты даже не прочел его! – с отчаянием восклицает Джузеппина. – Это же твоя сестра!

– *Была* моя сестра, – Паоло отворачивается от жены. – Она приняла сторону *негодяя*, за которого вышла замуж.

Джузеппина всплеснула руками.

– Вышла замуж? У нее не было выбора! Ей было четырнадцать, и твой отец заставил ее выйти замуж, чтобы одним ртом стало меньше. У женщины нет выбора, когда она выходит замуж. Разве могла я протестовать, когда ты притащил меня сюда?

Такого обвинения Паоло не ожидал.

– Опять ты за свое! Мы стали жить лучше, или ты слепая, если не замечаешь этого? Ты хотела остаться в Баньяре, гнуть спину в поле? Здесь у нас появились деньги. Разве ты не видишь? Откуда взялись наряды, новый комод, который я для тебя заказал?

– Как же! А живем по-прежнему в хлеву. Разве это дом...

– И дом у нас скоро будет новый!

– Когда? Когда это будет? Когда я перестану чувствовать себя служанкой в своем доме?

– Выбирай выражения, или, клянусь перед Богом, ты у меня получишь!

Джузеппина уперла в бока кулаки.

– Маттия не имеет отношения к вашей с Паоло Барбаро ссоре, и нравится тебе это или нет, но он – твой зять. Вы работали вместе, делили хлеб и соль... а теперь? Проклятье! Почему вы не можете простить друг друга? Твоя сестра...

Паоло смотрит на Джузеппину испепеляющим взглядом. Его поза, жесты, лицо – во всем чувствуется горечь нанесенной ему обиды. Он непреклонен. Даже Иньяцио это чувствует.

– Он сам виноват. Он предал меня, и нет ему больше доверия. Знаешь, чего ему надо? Денег. Моих денег, тех, что я зарабатываю, горбатясь в лавке, а он хотел бы ими распоряжаться. На этих деньгах мой пот и кровь, мои и брата. Ты забыла, как он поступил с нами? – Голос у Паоло злобный, с каждой фразой звучит все более угрожающе. – Это он посеял раздор! Он всем раструбил, что мы не считаемся с ним. Я должен считаться с ним? Я не вылезаю из лавки, чтобы она стала тем, чем стала!

Теперь испугалась Джузеппина. Она отступает на несколько шагов.

– Но твоя сестра...

– Как ты смеешь приносить мне письмо от той, которая предала свою кровь? Для меня они все мертвы.

Паоло наступает, отесняя жену к стене.

– Постой... Твоя бабушка, она же Барбаро. Это они попросили тебя о помощи? Я запретил тебе иметь с ними дело!

– Паоло, прекрати.

Иньяцио входит в лавку, кладет руку на плечо брату.

Он знает, как его успокоить.

И ему трудно простить Барбаро. Не из-за причиненных обид или наговоров, которые чуть не испортили дело, а потому, что из-за него они потеряли сестру.

Джузеппина переводит пустой взгляд с мужа на Иньяцио. Подбегает к Винченцо, подхватывает его на руки. Последнее, что они видят, – край плаща и закрывающуюся дверь.

– Почему ты накричал на нее? Ты знаешь, как ей дорога Маттия.

– Да уж! – горько усмехается Паоло. – Ей нет дела до того, что другие говорят про ее мужа и как поступают с ним. – Он проводит рукой по волосам.

Иньяцио хочет обнять брата. Успокоить. Но знает, это не поможет, слишком велика обида, она поглотила Паоло целиком.

Он наклоняется, собирает обрывки письма. На одном клочке видит свое имя, на другом – имя Паоло. Его семья разорвана, как это письмо, и он не смог этому помешать.

* * *

Джузеппина возвращается домой, сжимая руку сына. Он молчит. Изучающе смотрит на мать, лакричная палочка снова во рту.

Едва они переступают порог, Виктория подбегает к малышу, хватая на руки и щекочет, покрывая его шею поцелуями. Джузеппина опускается на стул.

– Все зря. Он разорвал письмо у меня на глазах. Про твою тетю ничего не хочет знать.

Она закрывает руками рот, чтобы не вырвались ужасные слова, потому что жена не должна плохо говорить о муже, особенно с родственниками, даже если – Бог свидетель – ей хочется кричать что есть мочи.

Виктория хмурится. Ставит Винченцо на пол, тот бежит в спальню.

– Тетушка, вы ничего не можете с этим поделать. – Она откидывает прядь с усталого лица Джузеппины. – Такой уж дядя Паоло. Ведь все-таки дядя Барбаро его обидел: он не может вести себя иначе, слишком наболело у него.

Джузеппина ничего не отвечает. Откуда Виктории знать, что значит, когда рядом нет близкого человека? Откуда ей знать, как Маттия помогала ей?

* * *

Экипаж, остановившийся перед лавкой Флорио, перегородил виа Матерассаи. Даже пешеходам не пройти – улочка очень узкая. В небе первые ласточки, в воздухе свежий запах травы и первых робких цветов.

В лавке Микеле обслуживает ремесленника, который при-

шел пополнить запасы сурика. Иньяцио занят другим клиентом, точнее, клиенткой.

Аристократка.

Красивая женщина в плаще, отороченном мехом лисы, — март в этом году немилосердно холодный. Кожа, умело скрытая под толстым слоем пудры, выдает возраст. Иньяцио с легкой улыбкой на лице толчет в ступке звездчатый анис и бадьян для абсента.

Иньяцио не часто увидишь за прилавком. С тех пор как в 1803 году Флорио порвали отношения с Барбаро, работа у них закипела. У них наладились связи с неаполитанскими и английскими купцами; последние, кстати, прекрасные поставщики. Они надежны, заинтересованы в хороших отношениях с сицилийцами, учитывая, что французы господствуют в остальных областях Италии. Не так давно Наполеон захватил Неаполитанское королевство, и Бурбоны, поджав хвост, бежали на Сицилию под протекцию англичан. Слишком тяжелым было поражение. Так Палермо оказался одним из немногих портов, свободных от влияния Наполеона, важной торговой площадью для антифранцузской коалиции.

Иньяцио обычно занимается бумагами и счетами. Но иногда и он встает за прилавок, особенно если речь идет о важных клиентах.

— В вашей лавке всегда так... *экзотично*. Ароматы дальних стран. Кстати, а где дон Паоло?

— Мой брат вот-вот вернется. Едва завидев ваш экипаж,

он подумал, что вас интересует кое-что из того, о чем вы говорили в последний раз.

Взгляд женщины становится внимательным.

– Вы про янтарь, не так ли?

Иньяцио кивает, продолжая толочь травы в ступке.

– Балтийский янтарь, самый настоящий!

Скрипнула дверь.

– Баронесса! – Паоло Флорио приветствует даму легким поклоном. Кладет на прилавок шкатулку из дерева и слоновой кости. – Простите за опоздание, исполнял ваш заказ.

Дама нетерпеливо вытягивает шею.

– Принесли?

– Да, шкатулка сама по себе сокровище, но она ничто по сравнению с тем, что в ней.

Золотистые блики рассыпаются по прилавку.

– Смотрите. Разве оно не прекрасно? Это то, что вам нужно! Вы знаете, что янтарь лечит расстройства желудка и поддерживает энергию в теле?

– Правда? – Она трогает гладкие янтарные шарики, отдергивает руку. – Они горячие! – восклицает она удивленно.

– Потому что это не камень, а смола. Говорят, в янтаре – искры жизни. Но давайте... – Паоло наклоняется вперед, протягивает ожерелье. – Вот, примерьте.

На платье вспыхивают огоньки. Дама гладит ожерелье, любит им. Восхищение сменяется желанием. Она уже решила.

– Сколько?

Паоло хмурится, мешкает с ответом. Наконец называет цену.

– Это безумие. Муж замучает меня упреками... – Дама сникает, однако пальцы ее продолжают скользить по ожерелью. Она говорит тихо, в голосе – горечь и досада: – Он может кутить, проматывая мое приданое, а я не могу позволить себе маленькую прихоть?

– О, это не прихоть. Это лекарство, как и настойка, которую готовит вам мой брат. Кстати, как ваш желудок?

– Гораздо лучше. Вы были правы, ничего серьезного.

– Я очень рад. Это древнейшее средство, мы рекомендуем его далеко не всем нашим клиентам. Если бы речь шла о чем-то более сложном, я первым бы посоветовал вам обратиться к дону Тромбетте у Порта-Карини. Он прекрасный фармацевт, к тому же наш постоянный клиент. *Один из тех, кто больше не покупает товар у Канцонери, отдавая предпочтение нашим травам и пряностям,* добавляет Паоло уже про себя.

Но дама его не слушает. Глаза ее наполняются янтарным светом. Она тяжело вздыхает.

– Так и быть. Оставлю вам задаток и расписку. Мой муж заедет к вам рассчитаться.

Иньяцио покашливает, пряча разочарование. Долговые обязательства, платежи в рассрочку. У некоторых сицилийцев из всего богатства – имя да титул, они не стоят даже кам-

ня, на котором высечены их гербы.

Но брат и глазом не моргнул.

– Конечно, будем ждать.

Паоло идет в контору за бумагой и чернилами. Иньяцио тем временем высыпает измельченные травы в бутылку со спиртом, перемешивает стеклянной палочкой. Зовет горничную баронессы.

– Слушай меня внимательно. Средство должно настаиваться в темноте восемь дней. Будешь давать своей хозяйке по небольшой рюмке каждый вечер, предварительно процедив. Поняла?

– Не извольте сомневаться, – бормочет она. Сразу видно, из деревни.

Иньяцио ввинчивает пробку, оборачивает бутылку темной тканью. Передает горничной, пока хозяйка пишет долговую расписку.

Паоло провожает даму. Громоздкий экипаж, наконец, уезжает, освободив улицу.

– Приятно иметь клиентов, которые не просят скидок. – Паоло поглаживает свой жилет. На Иньяцио точно такой же поверх белой рубашки, закатанной до локтей.

– Будем надеяться, что кавалер Альбертини не станет задавать лишних вопросов. Посылает в лавку жену, а потом жалуется, что она его разоряет! – Иньяцио вертит в руках расписку. – Он может сказать тебе, что не разрешал жене делать такие покупки. Ты знаешь, да?

– Не скажет. Альбертини – родственник нотариусов и судей, он владеет торговыми рядами в Багерии. Никуда он не денется, заплатит, если не хочет оскандалиться. – Паоло смотрит на брата. – И опусти рукава. Мы не босяки.

Хотя некоторые их называют так до сих пор. Братья не говорят об этом. Но, возможно, поэтому они так заботятся об интерьере лавки и своем внешнем виде.

Их считают босяками, да, Иньяцио знает, и эта несправедливость жжет его изнутри. Воспоминания – как открытая рана, на которую сыплют соль.

Он вспоминает.

Две недели назад. Палаццо Стери, таможня. Контора писарей, где в больших бухгалтерских книгах ведется учет всем входящим и исходящим товарам. Огромный прямоугольный зал на первом этаже выходит в квадратный двор.

Иньяцио ждал, ему предстояло пройти все таможенные процедуры для получения только что прибывшего товара и заплатить у нотариуса налоги. Он разговорился с молодым англичанином по имени Бен Ингэм, недавно прибывшим в Палермо.

– Я нахожу, что здесь весьма оживленно, но... как бы это сказать... really chaotic⁵... вы меня понимаете?

Иньяцио едва заметно улыбнулся:

– Жить здесь нелегко, вы правы. Это неблагодарный город, хуже, чем женщина. Обольщает, а потом... – Он покру-

⁵ Суматошно (англ.).

тил в воздухе рукой. – Много обещает и ничего не дает.

– О да, я заметил! Я понял, что здесь нужно быть осторожнее и... as you say⁶...

– Не то останешься без штанов?

Англичанин наморщил лоб, пытаясь понять фразу. Он уловил ее смысл, попробовал повторить и разразился хриплым смехом, так забавно у него выходило!

Вдруг в зале раздался голос Кармело Сагуто. Иньяцио увидел, как он без очереди прошел к нотариусу и был встречен с большим почетом.

Поднялся легкий шумок, но никто не осмелился открыто протестовать, все только перешептывались. Сагуто – зять Кантонери, кто станет с ним спорить?

Вскоре подошла очередь Иньяцио.

Не успел он выйти из кабинета, как на него набросился Сагуто.

– А, вот и он, дон Флорио. *Младшенький*. – Сагуто иронично помахал рукой, взглядом поискал поддержки у писарей. – Как идут дела, ваша светлость? Все ли у вас в порядке?

– Спасибо, не жалуемся.

– Ах, не жалуетесь, значит. – Сагуто подошел к столу, бросил взгляд на записи. – Ничего себе, это все ваши барыши?

– Флорио – труженики. Так и передайте своему тестю. Не ровен час, наступят ему на пятки, – подтвердил один из писарей.

⁶ Как у вас говорится (англ.).

– Им еще трудиться и трудиться, чтобы достичь того, чего достигли Канцонери. Со всем уважением! – добавил другой. – Достойная семья, Канцонери. Я до сих пор помню отца вашего тестя. Вот кто воистину был великий труженик...

Они разговаривали так, словно Иньяцио тут не было. Как будто он сам, его работа, его деньги ничего не значили.

Иньяцио чуть не вырвал бумагу у писаря.

– Если вы закончили...

Но Сагуто не сдавался – наоборот. Он повысил голос и преградил Иньяцио дорогу.

– Скажите, а у вашего зятя как дела? Того самого, из Баньяры, что торговал на виа Латтарини, ведь ему пришлось продать всё подчистую. Что, молчите? – И Сагуто засмеялся. Смех сухой, скрипучий, как ножом по железу. – Даже звери добрее.

Иньяцио молился всем святым, одному Богу известно, чего ему стоило сохранять спокойствие!

– У нас все хорошо, спасибо за заботу. И попрошу вас не вмешиваться в мои дела. Я не учу вас, как вам вести себя с вашими родственниками.

В зале воцарилась тишина, все прислушивались к их разговору. Сагуто, собравшийся было уходить, вернулся.

– Вы хотите учить меня жизни? Показать, что значит настоящая семья? Вы, бродяга, пес безродный? Никаких денег не жалко, когда дело касается крови. Знаете, сколько здесь? – И он помахал перед лицом Иньяцио пачкой расписок.

– Если хорошо посчитать, не больше, чем у меня. И это только мои и брата. А вас сколько? Четверо, пятеро... на сколько частей вам придется их разделить? Вы – просто секретарь дона Канцонери, а не аптекарь, как его сыновья. Мальчик на побегушках.

Кармело Сагудо побледнел, но быстро пришел в себя.

– Проклятье! Если я – мальчик на побегушках, то ты и твой брат – просто босяки. Я помню, как твой брат убирал мусор в лавке.

На таможене вдруг повисла тишина.

За спиной Иньяцио кто-то шептал:

– Истинная правда, босяками были эти калабрийцы!

А другой добавил:

– Как они заработали свои барыши, одному Богу известно!

Все они – торговцы, моряки, таможенные писари – столпились в дверях, как бродячие псы, ждущие кость, слюна каплет из пасти, так им хочется ухватить сплетни, разнести по всему Кастелламаре, добавив холодящих кровь подробностей.

Чья-то рука легла на плечо Иньяцио.

– Вы закончили, не так ли? Сейчас моя очередь.

Обернувшись, он узнал молодого англичанина Бена Ингэма.

– Я перед вами в долгу, – сказал Иньяцио, снова столкнувшись с ним у выхода.

– Думаю, вам представится случай вернуть мне долг. На моем месте вы поступили бы так же. Не стоит устраивать спектакль, особенно перед такими неблагодарными зрителями, – заметил англичанин.

При одном воспоминании об этом по спине Иньяцио пробегают дрожь. Сцена накрепко засела у него в памяти, никак не вышибить. Только благодаря Ингэму он не дал пощечину Сагуто у всех на глазах.

Иньяцио снимает фартук, надевает куртку и плащ.

– Привык работать, засучив рукава, иначе пачкаются, да и пыль набивается. Кстати, я сразу понял, что эта дама приехала за янтарем. Настойка – лишь предлог.

– Я в таких красках расписал ей товар, что она не смогла удержаться, – смеется Паоло.

Из конторы доносятся мерные удары пестика о каменную ступку. Эти звуки, как пунктирная линия, отмечают их дни. Теперь два подмастерья растирают порошки, Микеле и новенький. А Иньяцио работает с Маурицио Реджо, виртуозным счетоводом, в руках у которого вся бухгалтерия.

Паоло собирается уходить, но возвращается от дверей.

– В шкатулке-то было не только ожерелье! – он гладит коробочку, оставшуюся на прилавке. Открывает ее, достает серьги. Кораллы и жемчуг.

– Я попросил капитана Пантеро найти в Неаполе подарок для Джузеппины на день Сан-Джузеппе. Вот что он раздобыл. Надеюсь, ей понравится.

Джузеппина сурова, как всегда. Но в последнее время, кажется, стала мягче. Может быть, это знак примирения с Пало, может, она наконец свыклась с мужем, которого не любит, но к которому все-таки привязалась.

В лавку заходит клиент, лакей в ливрее. Иньяцио пользуется моментом, чтобы пойти к счетоводу.

С недавних пор Флорио арендуют склад за таможней, на территории палаццо Стери, так что товар под надежной охраной. В помещениях там прохладно, они хорошо просматриваются и тянутся вдоль коридора, выходящего в служебный двор позади конторы писарей; там хранят пряности, которые должны отправиться в другой порт или уже проданы перекупщикам. Пошлина взимается только в том случае, когда товар идет на продажу в Палермо, не раньше. Это обычная практика у оптовиков: они платят за аренду склада и освобождены от других податей. Есть пряности из Индии, которые привозят англичане, из французских колоний – их сбывают в Ливорно и на всем побережье Тирренского моря; итальянские моряки перепродают их затем в Палермо. У Флорио товар со всего Средиземноморья, и очень высокого качества. Они не столь богаты, как Канцонери, это правда. Но они шагнули далеко вперед, и с этим трудно поспорить.

Во всяком случае, помещение на виа Матерассай стало слишком тесным.

В конторе писарей Иньяцио видит, что Маурицио закончил почти все дела.

– Я оформил поступление и продажу хины в Мессину и Патти. Товар уйдет завтра. – Он показывает Иньяцио квитанции.

– Тогда сбегай в лавку и запиши. Передашь брату, что я скоро вернусь.

Оставшись один, Иньяцио решает прогуляться до бухты Кала. Горизонт – четкая голубая линия. Воздух прозрачен и свеж, ветер не такой колючий, как накануне. Повеяло весною.

Им овладевает решимость.

Иньяцио идет по Вико-делла-Неве, в противоположную от дома сторону. В прохладе тают запахи человеческого жилья, густо теснящегося в переулках. Он проходит мимо ворот, где зимой продается снег с гор Мадоние; где-то наверху слышны звуки скрипки и голос учителя, обращенный к ученику. На улицах, в лавках, торговых дворах смешались разные языки и диалекты: генуэзский, тосканский, неаполитанский, немного английского – все вместе.

Иньяцио идет по виа Аллоро, не поднимая глаз на роскошные дворцы палермской знати; выходит на виа Дзагареллаи, где женщины тащат огромные корзины или кричащих детей, останавливаются у лавок, прицениваются, покупают.

Иньяцио подходит к прилавку под большой каменной аркой. На прилавке – всевозможные ленты: шелковые, кружевные, вышитые, бархатные.

Взгляд Иньяцио падает на золотую ленту. Он представля-

ет себе, как она будет смотреться на зеленом корсете из саржи, который Паоло недавно купил жене.

– Синьор, что вам угодно?

Вопрос торговли выводит его из оцепенения.

– Вот эту ленту?

– Да. – Иньяцио откашливается. – Хочу сделать подарок.

Сколько нужно на корсет?

Нedoуменный взгляд в ответ.

– Смотря для кого. Для вашей жены? – Она тычет в кольцо матери, которое Иньяцио носит на пальце. Он машет рукой, нет, он не женат.

– Для моей сестры, – отвечает. И непонятно почему краснеет, как ребенок.

– Так сколько надо? – Торговка смотрит на него с недоверием.

Иньяцио в растерянности.

– Не знаю. Вы как думаете, сколько может понадобиться?

– Смотря какая она из себя.

Надо что-то ответить. Но что? Он понятия не имеет. Вот угораздило!

– У нее большая грудь? Ей нравится что-то простое или нарядное?

– На выход или на каждый день? – спрашивает торговка кружевами по соседству.

Хор женских голосов насаждает.

Господи помоги, откуда ему знать! Иньяцио делает попытку

ку:

– Она... будет... как вы. – И показывает на девушку, при-
меряющую шнурок. Та смеется, открывая гнилые зубы.

– Кристина, дай ему две, она сама сообразит, сошьет их,
если надо, – говорит сидящая в углу пожилая женщина с ли-
цом, похожим на древесную кору. Скорее всего, хозяйка. –
Дай ему и пряжку.

И Кристина, девушка за прилавком, достает костяные
пряжки. Старуха права: они очень красивы. Он выбирает од-
ну, с русалкой.

Иньяцио возвращается домой, пряча под плащом покуп-
ку. До виа Матерассаи остается совсем немного. Он идет
по переулку Кьяветтиери, наполненному запахом железных
опилок, шумом токарных станков.

*Это подарок на Сан-Джузеппе, говорит он себе. Джузеп-
пина так много сделала для нашей семьи, она его заслужи-
ла, и не только его, ей пришлось приехать сюда, и вообще,
она всегда была учтивая со мной и...*

Маленький сверток под плащом вдруг становится тяже-
лым.

Он не может вручить ей этот подарок. Ведь он ей не
брат... или брат? Кому какое дело? Они – одна семья, они
знакомы, кажется, всю жизнь.

Они – одна семья, так?

* * *

Наступает Сан-Джузеппе. Джузеппина получает подарок от Паоло, удивленная улыбка сменяется благодарностью. Она берет серьги, поднимает руку высоко, чтобы Винченцо не схватил, примеряет их.

Муж доволен, а она крутится у зеркала, счастливая, радостная.

Сверток с лентой и пряжкой остается в руках у Иньяцио, которые он держит за спиной. Он тоже улыбается, но чувствует себя глупо, не к месту, не ко времени.

Он уходит в свою комнату. Прячет сверток в сундук у изножья кровати.

Там и найдет его Джузеппина после его смерти.

* * *

Винченцо мчится по переулкам, грязные брызги летят на штаны. Добегает до виа Тавола-Тонда, громко стучит в дверь.

– Пеппино, выходи! Бригантина пришла, бежим!

На пороге появляется мальчик примерно того же возраста, что и Винченцо, – ему лет шесть. Ясные глаза, растрепанные волосы, грязные ноги. Они смеются. Бегут – один босой,

другой в кожаных башмаках. На лицах радость оттого, что они вместе.

– Откуда, говоришь, они приплыли?

– Из Марселя. Французы продают пряности неаполитанским морякам, у них покупает и мой отец, чтобы торговать потом в лавке.

Въезжают в ворота таможни, уцепившись за телегу. Извозчик замечает их, грозит кнутом, они убегают, хохочут.

Прибегают в порт, лица красные, мокрые от пота.

Волосы Винченцо блестят под сентябрьским солнцем. Он видит, как дядя на палубе придиричиво осматривает груз, поднятый из трюма. Счетовод Реджо следует за ним с бумагой, вслух ведет подсчеты.

Другие торговцы ждут своей очереди, но у Флорио самая большая партия товара. Винченцо знает, он слышал, как накануне вечером отец с гордостью рассказывал об этом. Еще он знает, что, если торговля пойдет успешно, они переедут в новый дом. Так сказала мать.

Вслед за Винченцо Пеппино залезает на моток корабельного троса.

– Вот это да! У твоего дяди сапоги, как у барона!

– Дядя говорит, нельзя пренебрегать внешним видом. Люди понимают, кто ты, по тому, как ты с ними разговариваешь, но, если ты плохо одет, они даже не посмотрят в твою сторону. – Винченцо прикрывает рукой глаза от солнца. Он чувствует аромат пряностей, заглушающий сильный запах соло-

нины. Запах гвоздики, корицы и волнами – аромат ванили.

Иньяцио, обернувшись к счетоводу Реджо, замечает племянника. Узнает и мальчика, Джузеппе Пасторе, сына моряка из Баньяры, женатого на местной.

Если бы брат знал, что Винченцо дружит с этим сорванцом, он бы рассердился, и не напрасно. Франческо Пасторе, отец Пеппино, промышляет какими-то махинациями; деньги в дом в основном приносит жена, работает посудомойкой. Однако Иньяцио не согласен с Паоло. Пусть Винченцо водится с разными людьми, это хороший навык – уметь договариваться с кем угодно. И потом, черт возьми, они тоже бегали босиком по улицам Баньяры.

– Мы закончили, дон Иньяцио. Всё отвозим на таможенный склад? – спрашивает счетовод Реджо.

– Всё, кроме индиго и шафрана. Эти надо отвезти на склад на виа Матерассаи.

С пирса доносится какой-то ропот, Иньяцио думает, что возмущаются ждущие своей очереди торговцы.

Не наша вина, что у нас много товара. Придется вам ждать, думает он. Но, судя по свирепым взглядам, которыми его провожают, дело не в зависти.

Это неприязнь и злоба.

– Что, закончили, наконец-то?

Это спрашивает Миммо Русселло, торговец с виа Латтарини, один из тех, кто раньше продавал пряности сомнительного качества и прозябал в тени семейств Канцонери и Гули.

– Сожалею, что заставил вас долго ждать. Прошу, – Иньяцио делает широкий почтительный жест.

Раздается смех, кто-то покашливает.

– Когда-то здесь лишь Канцонери устанавливали свои порядки. Теперь еще и вы. Работать невозможно. Вы как будто сговорились, – бормочет Русселло.

– Мы? С Канцонери? – Иньяцио не может удержаться от смеха.

– Вам смешно. А честные труженики голодают. Как только вы или Сагуто появляетесь на таможне – всё, конец. Назначаете цены, берете себе лучший товар. Одним словом, хозяйничаете!

– Это моя работа. – Иньяцио больше не смеется. – Я не виноват, что клиенты к вам не идут, синьор Русселло. – Он делает ударение на слове «синьор», ведь те, кто вокруг, понимают разницу. – Цены у нас высокие потому, что качество лучшее во всем Палермо, и люди об этом знают. Хотите продавать хороший товар? Разный? Приходите к нам, договоримся.

– Ну да... Еще чего! Что вы, что Канцонери с меня три шкуры сдерете.

– Тогда не жалуйтесь. – Сарказм Иньяцио сменяется холодностью. – Никто у вас ничего не крадет. Мы просто делаем свое дело.

Он говорит теперь так, как говорят в Палермо, больше никто не смеется над его калабрийским говором.

Русселло прикрывает глаза.

– Как же! – шипит он. Рассматривает одежду Иньяцио, взгляд падает на сапоги. Кивает на них подбородком: – Не жмут сапожки? Говорят, когда долго ходишь босиком, трудно привыкнуть к обуви.

Вокруг сгустилась тишина, сопровождаемая недобрыми взглядами. Только матросы громко окликают друг друга, не обращая внимания на происходящее.

Иньяцио отвечает не сразу.

– Нет, не жмут. Я могу позволить себе обувь из мягкой кожи. А вы остереглись бы да думали лучше про свою мошну. Как бы не пришлось лить слезы, когда дело коснется барышей.

Он говорит спокойно, и это тоже непонятно палермским торговцам. От кроткого Иньяцио Флорио никто никогда не слышал ни ругательств, ни угроз.

Он уходит, не удостоив их взглядом. Чувствует, как кипит внутри гнев, незаслуженная обида. В Палермо мало работать, гнуть спину. Нужно уметь отвечать, навязывать свою силу, истинную или мнимую, бороться с теми, кто много и не к месту болтает. Этот город ценит видимость, взаимный обман, декорации из папье-маше, в которых персонажи разыгрывают спектакль.

Искренности – истинного богатства – никто тебе здесь не простит.

Глаза Иньяцио встречаются с глазами Винченцо, сидяще-

го на мотке корабельного троса.

По лицу мальчика пробегает испуг. Он не успевает и рта раскрыть, как тяжелая дядина рука опускается ему на плечо.

— Кто тебе разрешил сюда приходить? Да еще с этим! Что о нас подумают? — говорит он, указывая на Пеппино. Обида душит Иньяцио, ищет выход. — Если твой отец узнает, что ты бегаешь по улицам, он тебе задаст!

Винченцо просит прощения. Но что он сделал плохого?

Пеппино тоже слезает на землю, на всякий случай отходит подальше.

Винченцо, которого дядя тянет за руку прочь, все оборачивается и смотрит на друга. Смотрит на Иньяцио, смотрит на Пеппино.

Не понимает.

* * *

Приступ сухого кашля не прекращается.

Паоло ходит по дому, прикрывая рукой рот, чтобы не разбудить домашних: Иньяцио, Винченцо, Викторину, Джузеппину.

Он дрожит, завернувшись в одеяло. У него жар. Идет в столовую, держится за стол, прислоняется к буфету, делает передышку.

Подходит к окну, поднимает руку, чтобы глотнуть свежего воздуха, но не решается открыть окно: слишком холодно.

Каменный пол блестит, белеет в лунном свете. Корзины зеленщика стоят пустые у дверей их старого жилища.

Новый дом очень красивый. В нем много окон, везде настоящие двери, кухня с прекрасной жаровней. На стенах столовой – гобелены.

Снова приступ кашля. Паоло массирует грудь. После каждого приступа он чувствует, как внутри у него все болит. Должно быть, простудился. Неудивительно, ведь он всегда бегаёт по делам – солнце ли, дождь ли, ветер...

За спиной у Паоло раздаются шаги.

Он поворачивается. В темноте лицо. Ночная рубашка едва прикрывает босые ноги.

На него смотрит сын.

Именно таким Винченцо запомнит своего отца. Не голос, не жесты, не эмоции. Безжалостная память снова и снова будет возвращать ему образ отмеченного болезнью сторбленного старика с горячечными глазами.

И всякий раз его будет охватывать тоска, как и в ту ночь, когда он лишь смутно догадывался, что в его жизни настанут перемены.

В голове зазвучит тонкий детский голосок, а в нос ударит горький запах болезни, который он так ненавидит.

– Папа, что с вами?

Винченцо уже большой: ему семь лет, у него внимательный, сосредоточенный взгляд. Паоло чувствует в голосе сына непонятный страх.

– Простыл немного, Виченци. Иди спать.

Но ребенок мотает головой. Подвигает стул, чтобы сесть рядом. Так они и сидят, обнявшись. Дыхание их сливается, взгляд падает в одну точку на полу.

– Можно мне завтра прийти в лавку? – Винченцо берет руку отца.

– А как же учитель? Что мы ему скажем?

– Ну, после уроков, – настаивает ребенок.

– Нет.

С тех пор как отец решил, что Винченцо должен учиться, настал конец его свободе. Теперь он не может, как раньше, бегать в портовых переулках вместе с Пеппино и другими детьми переселенцев из Баньяры. Но Винченцо не отчаивается. Улучает возможность убежать в бухту Кала или к друзьям. Они запускают волчки на камнях площади Сант-Олива, больших гладких камнях, которыми она вымощена. Оттуда мать за ухо тащит его домой, ведь каждый день к ним приходит учитель, Антонино Гальяно, юноша, готовящийся стать священником.

Писать, считать, читать. Вообще-то, ему нравится учиться, но еще больше нравится сидеть в лавке, слушать, как дядя разговаривает с купцами и капитанами, запоминать названия городов, различать корабли в порту по их силуэтам.

Он умеет распознавать запахи: хина, гвоздика, арника и даже ферула.

Отец, кажется, читает его мысли.

– Нужно терпение, сынок. Терпение и настойчивость: если не выучишься, не сможешь продолжить мое дело.

– Но ведь вы не учились.

– Да, – вздыхает отец. – Поэтому нам пришлось много трудиться, бывало, что и обманывали меня. Но если ты ученый, тебя нелегко провести. Чем больше ты знаешь, тем больше тебя уважают, тем меньше найдется желающих вытереть об тебя ноги.

– Нужно увидеть мир своими глазами, папа, а не просто учиться по книгам, – спорит Винченцо.

– Когда вырастешь... – Он встает, пытается взять сына на руки, но не может: голова кружится, приходится прислониться к косяку. – Пойдем спать. Я устал.

Винченцо обнимает отца. Крепко прижимается и прячет лицо у него на груди, вдыхает его запах, аромат лекарственных трав и пота. К нему примешивается и новый запах, неприятный и кислый, чужой.

Эти объятия, он запомнит их на всю жизнь.

* * *

1806 год почти миновал; кашель Паоло, однако, никак не проходит. Неотвязный, глубокий. Паоло не хочет обращаться к лекарю, хоть Иньяцио и твердит постоянно об этом. У Паоло хроническая слабость, он почти не заходит в лавку. Маурицио Реджо занимается счетами, Иньяцио ведет де-

ла. Он всегда за прилавком, принимает заказы от розничных торговцев. С годами его черты утратили прежнюю мягкость. Это бесстрастный молодой мужчина с тихим, ровным голосом. На его лице не прочесть ни беспокойства за дело, ни опасения, что болезнь в груди, от которой страдает Паоло, серьезна.

А она такова.

Иньяцио понял это, когда Орсола, горничная, которую Паоло нанял в помощь жене, прибежала в лавку.

– Дон Иньяцио, скорее! – Она тяжело дышит, вытирая руки о платье. – Вашему брату плохо.

Близится Рождество, на улице холодно, но Иньяцио выбегает без плаща. Он спешит, перепрыгивая через ступени. Останавливается на пороге комнаты. В углу на стуле сидит Виктория, раскачивается всем телом взад и вперед. Прикрывает рукой рот и твердит:

– Пресвятая Мадонна! Горе-то какое! – Больше ничего не может сказать.

Джузеппина стоит, держа в руках таз, полный грязных носовых платков. На лице у нее ужас оттого, что она все поняла, но не может поверить в это.

Иньяцио медленно подходит к ней, берет у нее таз. Руки Джузеппины дрожат. Он сжимает ее пальцы.

– Иди на кухню. Скажи Орсоле, чтобы немедленно позвала Карузо, цирюльника, потом нагрей воды и помойся, ты и ребенок, и ты, Виктория, тоже. Обязательно горячей водой,

и простирайте со щелоком все белье.

Женщины выходят. Только тогда Иньяцио находит в себе силы повернуться к брату.

Голова Паоло тонет в подушке. Губы и усы у него красные от крови. Рот кривится в горькой усмешке.

– Это она. Я так и думал, это не от сквозняков.

Иньяцио колеблется, прежде чем сесть на кровать. Крепко обнимает брата. Это его брат, чем бы он ни болел.

– Я обо всем позабочусь, хорошо? – Иньяцио утыкается лбом в его лоб, как делал Паоло когда-то давно. – Я тебя одного не оставлю. – Он сжимает его затылок. – Попрошу сейчас же приготовить тебе настойку эхинацеи. Потом найдем для тебя дом за городом, может, в Ноче или в Сан-Лоренцо. Там тепло и чистый воздух. Ты поправишься, я тебе обещаю.

* * *

На кухне Виктория и горничная кипятят воду в котлах, погружают в них простыни и одежду. Лицо у Виктории потемнело, губы плотно сжаты.

Джузеппина не может унять дрожь в руках. Винченцо, завернутый в полотенца, сидит на кухонном столе. На полу у его ног стоит дымящееся корыто. Мальчик видит, что мать расстроена, но не понимает почему.

Входит Иньяцио. Кажется, он вмиг постарел.

– Надо, чтобы нас всех осмотрел Карузо, – голос звучит

глухо, напряженно.

Джузеппина хочет что-то сказать, но в горле застрял комок. Сын, сидящий за ее спиной, чувствует, что происходит что-то неладное. Чувствует, как только дети могут: догадка становится явью.

– Папа заболел?

Джузеппина и Иньяцио разом оборачиваются.

Винченцо все понимает.

Мать хочет подойти к ребенку, но Иньяцио ее останавливает. Отвечает ему как взрослому:

– Да, Винченцо.

Темные глаза ребенка гаснут. Он сползает со стола, идет к себе в комнату. На кровати лежат книги. На доске – задания, оставленные учителем.

Садится. Начинает писать.

* * *

Ночью никто не может уснуть.

Ни бедный Паоло, которого мучает кашель. Ни Винченцо, который не может себе представить, что будет с отцом, и беззвучно плачет, уткнувшись в подушку. Ни Виктория, которая предчувствует надвигающееся одиночество.

Ни Джузеппина, которая отвернулась от мужа, смотрит в темноту, затаив в душе страх.

Ни Иньяцио, который ходит босиком, – рубашка выбилась

из брюк, жилет не застегнут. Каменный пол приятно холодит ноги.

С болезнью Паоло меняется все.

Он знает, что новость вмиг облетит Палермо и что некоторые – Канцонери первыми – постараются воспользоваться ситуацией.

Все дела лягут на его плечи. Ему понадобится новый работник, Винченцо обязательно должен учиться. Придется позаботиться и о Джузеппине.

От этого внутри дрожь.

Он не может себе представить, что ему уготовано, что ждет его в ближайшие месяцы. Как далеко зашла болезнь, каковы будут последствия.

Ему вспоминается осеннее утро, когда брат-подросток вел его в дом Маттии и Паоло Барбаро, защищая от гнева мачехи и равнодушия отца. Тем самым он спас ему жизнь, теперь Иньяцио понимает это.

Маттия.

Маттия с детьми переехала в Марсалу. Время от времени Иньяцио посылает ей деньги на учебу Рафаэле, да и просто на жизнь. Паоло Барбаро после перенесенной болезни не может работать, он снял внаем в Марсале недорогой домик для себя и семьи.

А может быть – Иньяцио стыдно себе в этом признаться – так он хочет очистить свою совесть.

Нужно предупредить сестру. Паоло не знает, но жена

ослушалась его и не порвала с Маттией. Сначала робко, затем все чаще Джузеппина просила Иньяцио написать золовке. Письма стали регулярными, Иньяцио не мог отказать невестке.

Так ему удалось сохранить семью, сохранить важную часть своей жизни. Это их с Джузеппиной секрет, одна из тех невысказанных тайн, которые связали их навсегда.

* * *

Случай послать за Маттией вскоре представился. Паоло перевезли в деревню, и Джузеппина поехала с ним, чтобы найти сиделку, которая будет рядом день и ночь.

Иньяцио и Винченцо остались в городе.

Время к полудню. Продавцы ушли из лавки на обед.

– Можно?

Винченцо сидит у прилавка, решает примеры. Услышав голос, поднимает голову.

– Дядя, это к тебе, – зовет он.

Иньяцио выходит из конторы. Один из торговцев, что плавает на фелуке, зашел забрать анис.

– А, мастер Сальваторе, добро пожаловать! Входите!

– Бог в помощь, дон Флорио. Хорошо выглядите. Как ваш брат? В порту мне сказали, он нездоров... – говорит тихо, уважительно, изредка посматривая на мальчика.

– Да, спасибо, вашими молитвами... Мой брат... У него

болит грудь, он слаб, но мы надеемся на его выздоровление. Сейчас он за городом, а там как Бог даст...

– Хм. А мне-то порассказывали такое! Вечно люди болтают почему зря.

– Видно, других дел у них нет. Проходите... – Иньяцио провожает торговца в контору, вдыхая запах соли и солнца, напоминающий ему о юности.

Интересно, вспоминает ли брат о море, о тех временах, когда они плавали на «Сан-Франческо» от Неаполя до Мессины?

Подписывая бумаги, Иньяцио спрашивает торговца, куда тот держит путь.

– Я возвращаюсь из Мессины, думаю плыть к Мадзара-дель-Валло, а затем в Джелу...

Иньяцио смотрит на него снизу вверх, подперев лицо рукой.

– Не могли бы вы оказать мне услугу? Зайти в порт Марсалы, чтобы передать письмо?

– Конечно. Что-то важное?

Иньяцио достает из ящика стола сложенный листок.

– Крайне важное. Это нужно передать Маттии Флорио, по мужу Барбаро, лично в руки. Я здесь написал адрес, по которому она жила. Если они и переехали, то недалеко.

Мастер Сальваторе кивает. Хмурит лоб. Пытается припомнить что-то, слухи, которые ходили в порту о том, что Флорио не ладили с родственником и не помогли ему в

трудный момент. *Как чужие.*

Сальваторе убирает письмо в карман куртки. Ни о чем не спрашивает, ничего не хочет знать: не его это дело.

Иньяцио провожает его до порога.

– Храни вас Господь и помощи вам Мадонна, дон Флорио. Передайте привет вашему брату, я буду молиться, чтобы святой Франческо ди Паола помог ему!

– Храни и вас Господь, мастер Сальваторе. И вас.

Иньяцио смотрит ему вслед, смотрит, как тот идет, покачиваясь, по мостовой, будто по палубе корабля. Немного жаль, что пришлось просить Сальваторе об услуге.

Но у него нет выбора. Он не знает, сколько времени отпущено брату.

* * *

Джузеппина подперла лицо рукой, смотрит в прямоугольник окна, за которым ослепительная лазурь неба. Под небом – юная весна, неукротимая, яростная.

Паоло стало намного хуже. Бывают минуты, когда кашель просто душит его, не дает дышать. Она послала Орсолу за Иньяцио, который пропадает в лавке целыми днями.

Вдруг чья-то рука ложится ей на плечо. Она хватается ее, целует. Шелестя юбками, перед ней садится Маттия Барбаро.

Женщины смотрят друг на друга, не говоря ни слова.

Маттия приехала из Марсалы два дня назад, Иньяцио оплатил дорогу ей и ее сыну Рафаэле. Барбаро оказались в тяжелом положении, но возвращаться в Баньяру не намерены: Паоло Барбаро слишком горд, не хочет, чтобы другие видели, как он сдал, и тем более не желает ничего слышать об успехах Флорио.

Маттия – впервые, ведь все эти годы она была послушной женой, – поссорилась с мужем, который не хотел ее отпускать. Он возмущался: у них нет денег, и Паоло этого не заслуживает.

Но она – Флорио, а Флорио своих не предают.

На лице у Маттии печать смирения и усталости. Время и невзгоды добавили седины ее волосам, вокруг глаз появились морщины.

В другом углу комнаты слышны детские голоса: Винченцо показывает свои книжки Рафаэле, который немного постарше. За ними приглядывает Виктория, время от времени наостряет уши, прислушивается к разговору теток. Ее тоже удивило, как постарела и высохла Маттия.

Джузеппина с грустью смотрит на детей.

– Он не понимает, что отец при смерти, – говорит она печально и немного обиженно. – Иногда я вижу, что он стоит на пороге, но не решается подойти, даже когда Паоло зовет его. Как будто не хочет видеть его таким, не понимает, что бедному отцу плохо.

– Он еще ребенок, конечно, ему страшно. Но ты не сда-

вайся, держись. Нужно мужаться и уповать на Бога.

– Богу нет до меня дела. Если бы мы остались в Баньяре, все сложилось бы иначе.

– Нет, не говори так. А может, наши мужья потерпели бы кораблекрушение или случилось бы еще одно землетрясение? Пути Господни неисповедимы! – Матии тоже знакома эта горечь, она знает, что нельзя поддаваться унынию. – Прошлого не вернешь, не думай о том, что могло бы произойти. Я тоже не хотела ехать в Марсалу, но пришлось, потому что муж заболел. Ради мужа пришлось забыть и о семье. И родной брат предпочел забыть обо мне. И все-таки, видишь, как бывает? Мы снова вместе!

Джузеппина пытается поправить волосы, но непослушная прядь спадает на лоб.

– У тебя есть муж и Иньяцио. Он – твой брат. А у меня никого. Все мои родственники умерли... – Горькие слова бесильно повисают в воздухе, как шаль, сползающая с ее плеча. – Я совсем одна, понимаешь?

В наступившей тишине Маттия закрывает глаза.

– У тебя есть сын, твоё сокровище, – грустно улыбается она. – И у тебя тоже есть Иньяцио, не забывай об этом.

* * *

Когда Джузеппина сообщила, что Паоло стало хуже, Иньяцио вызвал цирюльника Карузо. Тот заверил его, что

поедет в Ноче, как только у него будет экипаж.

– Ухудшение может быть вызвано мокрото́й или жидкостью в легких. Нужно обязательно проверить легкие.

Тогда Иньяцио нанял извозчика и сам поехал за лекарем. Он должен навестить брата. Нужно рассказать ему, что приехала Маттия, нужно дать ему надежду, так он говорил себе, пока ехал с цирюльником по дороге, ведущей через оливковые рощи к Ноче.

Должна же быть надежда.

* * *

Возвращается Иньяцио поздним вечером.

У него тяжелая поступь. Глаза покраснели. Винченцо и Рафаэле спят рядышком, утомленные впечатлениями прошедшего дня. Виктория подмела комнаты и тоже пошла отдыхать.

Джузеппина и Маттия ждут его на кухне.

Джузеппина всматривается в его печальные глаза. Встает навстречу, кутаясь в шаль.

– Ну, что там?

Маттия за ней. Иньяцио качает головой.

– Все напрасно. Он не хочет тебя видеть.

Маттия закрывает рукой рот, чтобы не вырвались рыдания, раскачивается всем телом взад-вперед.

– Как? Даже в смертельной болезни? Даже сейчас сердце

его не смягчилось?

Джузеппина хочет ее обнять, но Маттия отталкивает невестку.

– Это безжалостно, бессердечно. Неужели я не заслуживаю прощения?

Иньяцио прижимает ее к груди.

– Прости. Он начал кричать, у него кровь пошла горлом. Пришлось дать ему лауданум, чтобы он успокоился. – Иньяцио ищет поддержки у Джузеппины, та стоит позади Маттии, сжав кулаки, глаза блестят.

Он не будет рассказывать о том, как рассердился брат, о той ярости, которую он выплеснул на него. О той боли, которая его пронзила, когда Паоло сказал, что для него Маттия умерла. Что если она приехала ради денег, то может убираться ко всем чертям, потому что завешание уже составлено, и он позаботился о том, чтобы сестра и ее муж не получили ни гроша.

Не нужно говорить об этом Джузеппине. Она и так знает.

Но даже ей он не может рассказать об отчаянии цирюльника. По крайней мере, не сейчас.

Маттия отстранилась от брата.

– Я предстану пред Богом со своими грехами, но только не с этой обидой! – Она бьет себя в грудь. – Он мой брат, я люблю его и молюсь, чтобы Бог простил его за то, что он так поступает со мной. Я поругалась с мужем, чтобы приехать сюда, а родной брат отталкивает меня, как прокаженную?

Маттия плачет. Джузеппина ведет ее в спальню.

– Успокойся, сердце мое, – шепчет она. – Идем спать.

Они – сестры, хоть и не по крови, думает Иньяцио.

Невестка оборачивается к нему.

– Я оставила тебе макароны с брокколи. Они еще теплые.

Поешь и иди отдыхать.

Иньяцио кивает, но он не голоден.

На пороге Маттия останавливается.

– Зло всегда возвращается, – говорит она. – За него приходится расплачиваться детям и внукам. Он причиняет боль не только мне, а всем нам: он должен помнить это всегда.

Джузеппина с Иньяцио вздрогнули.

Эти слова звучат как пророчество, а ведь слово не воробей, вылетит – не поймаешь.

Оно теряется во времени, переходит от поколения к поколению, пока не становится *истиной*.

* * *

Джузеппина ждет, пока Маттия уснет, чтобы навести порядок на кухне.

– Разве я заслужила такое отношение? – все повторяла Маттия. – Я кормила его, как мать, стирала ему одежду. Защищала его. А теперь он отталкивает меня! – И снова в плач. Джузеппина вытирала мокрое от слез лицо невестки, а внутри у нее все кипело от злости.

И что теперь? Чего бы ей хотелось? Чтобы муж, которого она никогда не любила, выздоровел и вернулся домой?

Для нее муж – это защита, единственная, которая у нее есть. Это еда на столе, это ведро углей для жаровни.

Она кутается в шаль. Нет, не это ее пугает. Что-то другое, глубоко личное, о чем она даже думать не смеет.

Она вздрагивает, увидев силуэт в темноте.

Это Иньяцио сидит, уронив голову на сложенные на столе руки. Плечи его трясутся. Он плачет.

Глухие отчаянные рыдания мужчины, который не может сдержать боли, так она велика.

Джузеппина отступает, возвращается в спальню.

* * *

Иньяцио не может уснуть. Он надеялся, что слезы помогут, принесут облегчение, но этого не случилось. Он боится, что не справится со всем, что на него обрушилось. Боится, что у него ничего не выйдет.

Ему тяжело даже думать об этом, не то что делиться с кем-то своими переживаниями.

Он встает, тщательно одевается, чтобы никто не подумал, что у Флорио случилась беда. Не важно, что еще очень рано, так рано, что даже не рассвело. Нужно пойти в лавку, работа найдется.

Он выходит на кухню и видит Джузеппину.

– Как Маттия? – спрашивает у нее.

– Еще спит, бедняжка. Ночью ей снились кошмары.

Джузеппина ставит перед ним чашку теплого молока.

– А ты? Ты поспала?

– Немного.

Она берет метлу, начинает подметать. Иньяцио макает хлеб в молоко.

Внезапно Джузеппина замирает с метлой в руках. Просит, не глядя на него:

– Скажи мне правду!

И он понимает, как всегда понимал ее. Вкус молока вдруг становится горьким.

– Ему хуже. Я не хотел скрывать это от тебя.

– Так цирюльник сказал?

– Да.

– Он умирает?

Иньяцио молчит.

Перед ним пустота. Нет звуков, нет запахов. И Джузеппины нет, она исчезла, вместо нее какая-то статуя.

Слышны всхлипывания. Метла с шумом падает. Отчаяние вырывается вместе с рыданиями, слезы текут по лицу, плечи вздрагивают.

Иньяцио давно понял, что, живя рядом с кем-то долгое время, привязываешься к нему. Любишь не человека, а свои представления о нем, чувства, которые он вызывает, даже ненависть. К своим демонам тоже привязываешься.

– Пожалуйста... Не надо... – просит он, обнимает ее, крепко прижав к себе, потому что, кажется, ее тело разрывается на части, так вздрагивает оно от рыданий.

Ее слезы текут по его шее. Он замечает, что тоже плачет. Так они плачут вместе, обнявшись. Но когда слезы прекращаются, он чувствует, как напрягается ее тело. Джузеппина поднимает голову, их губы почти соприкасаются.

Демон, который сидит у него внутри, вот-вот пробудится в его теле.

Сейчас он думает не о брате, не о племяннике – *о себе*.

Он всегда стоял на шаг позади нее. Если и прикасался к ней, только со всем почтением.

Он может сделать это сейчас, когда Паоло далеко, прикован к постели.

И Джузеппина смущена. Но когда она впивается в него глазами, замешательство проходит. Она гладит его по щеке, проводит пальцами по губам.

На мгновение Иньяцио представляет, что было бы, окажись он на месте Паоло.

Джузеппина была бы его женой, Винченцо – его сыном, этот дом – их домом. Их дни и ночи, дети, которые у них родились бы в Баньяре или здесь, в Палермо. Их маленькая совместная жизнь, в которой они были бы счастливы, или, по крайней мере, спокойны.

Но это не его жизнь.

Джузеппина – жена его брата, а он – предатель. И это –

позор.

Он закрывает глаза – ненадолго удержать жизнь, о которой мечтал. Он крепко обнимает ее, прежде чем отпустить, а затем уходит, чтобы не поддаваться искушению.

* * *

Через несколько дней Маттия возвращается в Марсалу на фелуке мастера Сальваторе. Иньяцио дал ей денег, Джузеппина одарила долгим объятием. И все-таки Маттия уезжает с тяжелым сердцем, ничто не облегчило ее боль: ни нежность Виктории, ни щербатая застенчивая улыбка Винченцо. Она знает, что ей не суждено увидеть Паоло, своего брата. Она знает, что есть раны, которые не лечит время.

* * *

В комнате удушающий запах болезни, это зловоние не в силах перебить даже свежий весенний воздух. Лимонное дерево тянется к окну. Почуввав первое тепло, в его ветвях трещат цикады.

С порога комнаты Джузеппина смотрит, как грудь Паоло тяжело вздымается и опускается. Она кусает губы. Все в ее жизни стремительно рушится.

Вдруг на плечо ложится рука.

– Вот и я. Старался управиться как можно скорее. – Иньяцио подходит к ней, говорит на ухо: – В лавке я все уладил. Маурицио будет вместо меня, пока... сколько нужно.

Джузеппина его не слышит. Иньяцио это замечает по ее растерянному взгляду.

– Я привез Винченцо. Он играет в саду, побудь с ним немного.

Она с облегчением соглашается.

Она хотела бы заплакать, но не может. Мужа она никогда не любила, и все-таки жаль его. Она горюет не только о нем – о себе тоже, потому что знает: ей будет его не хватать. Пустоту будет нечем заполнить долгие годы.

Она жила с Паоло без любви, бывало, испытывала к нему и ненависть. Она не сможет попросить у него прощения за то зло, которое они причинили друг другу. Паоло переступил порог, за которым не поговорить. Они могли бы поговорить сейчас, но не поговорили. Чувство вины за это останется с ней навсегда. Станет ее земным Чистилищем.

Иньяцио отсылает из комнаты задремавшую в углу горничную. Услышав голос брата, Паоло поворачивает голову. Его глаза лихорадочно блестят.

Иньяцио присаживается на кровать. Он больше не спрашивает брата, как тот себя чувствует. С тех пор как цирюльник зашел в лавку и сказал, что болезнь разрушила легкие Паоло, они отбросили эту лицемерную формальность.

– Ему осталось недолго, – сказал цирюльник.

Иньяцио поблагодарил его, отдал причитающиеся деньги и продолжил работу.

Но Паоло долго сопротивлялся. Сила и упрямство Флорио поддерживали в нем жизнь.

Брат берет его за руку.

– Сегодня горничная усадила меня под лимон. Я закашлялся, пошла кровь, много крови. Пришлось переодеться. – Слова даются ему тяжело. – Говорят, Бог дал, Бог и взял. – Лицо Паоло освещает слабая улыбка. – Всё... всё у меня забрал...

Кашель. Долгий, мучительный. После приступа Паоло снова говорит, голос – как скрип железа по камню.

– Тебе нотариус Леоне сказал, что я составил завешание?

– Да. – Губы Иньяцио, которые он прикрывает платком, пересохли.

Паоло не хватает воздуха. Иньяцио приподнимает ему голову, дает выпить воды. Потом говорит:

– Никто не обидит его, пока я жив. Я нашел учителя, который будет учить Винченцо латыни и прочим предметам вместо Антонино Гальяно, ведь его скоро рукоположат в священники...

Паоло машет рукой, прерывает брата.

– Хорошо, хорошо... – Он сжимает его руку, и Иньяцио чувствует, как мало у брата осталось сил. – Послушай, ты должен стать ему тем, кем я уже не смогу быть.

– Ты знаешь, я люблю его, как родного сына. – Иньяцио

накрывает руку Паоло своей.

– Нет. Больше, понимаешь? Ты должен вырастить его. Им всем нужны деньги, а ты должен стать ему отцом. Понял? Отцом.

Он пристально смотрит на брата, словно хочет проникнуть ему в голову.

Это невыносимо. Иньяцио встает. Во дворе Винченцо и Джузеппина играют под лимоном. Он старается говорить медленно, подбирает слова. Не хочет волновать Паоло.

– Я встретил в порту одного из двоюродных братьев Барбаро. Он передал мне сообщение от нашего зятя.

Паоло поднимает слабую руку.

– Боже! Я так много думал про них, про него и Маттию. – Он плачет. – Я понял, что это наказание, которое послал мне Господь. Когда он заболел, я мог бы ему помочь. Это было бы милосердно. Когда приехала сестра, я не захотел повидаться с ней. Бедная... Я оттолкнул ее. – Паоло вытирает глаза. – Ты передашь Маттии, что я ее прощаю? И прошу ее простить меня! Что же я наделал! Дьявол помутил мой разум. Это мое проклятие!

Иньяцио смотрит на брата. Он хотел бы что-то сказать, утешить, но слова не идут из горла, а сердце, кажется, сжалось так, что превратилось в детский кулачок. На лице у брата читается неподдельный страх. Должно быть, он чувствует смерть совсем рядом, если просит прощения, если раскаялся в своей черствости.

Паоло приподнимает голову. Потные волосы прилипли ко лбу.

– Так что? Что просил передать мне Барбаро?

Иньяцио вздыхает. Этот вздох приносит облегчение, выпускает голос на свободу.

– Он говорит, что молится за тебя и желает тебе скорейшего выздоровления.

Непонятно, почему, но эта фраза кажется ему смешной. Он смеется, и брат смеется вместе с ним.

Они смеются, как будто жизнь – это шутка, а чахотка Паоло – лишь фарс, задуманный Создателем, будто можно вернуться назад и все уладить. Но нет, и это самое смешное: все взаправду, привычный мир рушится, рвется.

Смех Паоло превращается в кашель. Иньяцио бежит, протягивает ему таз, в который брат сплевывает сгустки крови и слизи.

Иньяцио обнимает его. Паоло очень худой. Болезнь съела его, оставив лишь кожу да кости, – оболочку, вместилище неукротимого духа, который не хочет сдаваться. Еще нет.

* * *

Когда Винченцо через несколько дней откроет двери, он увидит на пороге человека в черной сутане с фиолетовой столой. Это священник из Оливуццы, дон Сорче. Лицо у него покраснелось от жары.

– Твоя мать послала за мной. Где она? – спросит он.

– Идемте со мной, скорее, – ответит вместо него подошедшая служанка.

Мальчик увидит, как они исчезают за углом. Из сада, из-за распахнутой двери, доносится запах лета и тепла.

Беги, Винченцо, беги прочь! Он не хочет ничего знать, ничего слышать.

* * *

Иньяцио приходит, когда все уже кончено.

Джузеппина сидит у изножья кровати. Молчит, не плачет. Покусывает костяшки пальцев. В руках у нее четки. Кажется, она где-то далеко, может, так оно и есть.

Взгляд ее неподвижно устремлен на мертвое тело.

– Нужна хорошая одежда, – тихо произносит она.

Иньяцио механически отвечает «да».

– Я поеду на виа Матерассай, позабочусь о похоронах. Скажу Маурицио Реджо, чтобы закрыл лавку на два дня. – Он делает паузу. – Нужно написать Маттии и нашим родственникам в Баньяре. Винченцо я возьму с собой.

– Мессы. Нужно заказать мессы, отмолить его душу, ведь он раскаялся в том, что причинил сестре столько зла. Он сам сказал мне, когда я меняла ему ночную сорочку после исповеди. И милостыня сиротам. Скажи Виктории, пусть она позаботится об этом. – Голос у Джузеппины глухой, хриплый.

Иньяцио кивает. Задерживает воздух в груди. Дышит, он еще может дышать.

Подходит к телу Паоло. Оно еще хранит тепло: кожа на лице прозрачная; руки, когда-то сильные и мозолистые, теперь как тонкие ветви. Голова и борода побелели.

Протягивает руку, гладит лицо брата. Потом наклоняется, целует покойного в лоб и замирает так, прижавшись губами к его коже. Боль комком стоит в горле.

Он будет помнить это всю жизнь. Поцелуй – это обещание, безмолвная клятва, которую слышат только они с Паоло.

Иньяцио идет из комнаты прочь. Под лимоном его ждет Винченцо.

– Ты попрощался с отцом?

Винченцо не смотрит на дядю. У него в руках щепочка, которую он ломает на мелкие кусочки.

– Да.

– Хочешь еще посмотреть на него?

– Нет.

Иньяцио протягивает руку, Винченцо цепляется за нее. Они идут к стоящему на аллее экипажу.

* * *

Перед лавкой толпится народ, в основном калабрийцы. На пороге Маурицио Реджо обнимает подошедшего Иньяцио,

выслушивает его поручения. Вскоре деревянные ставни закрываются в знак скорби.

Иньяцио не укрыться от любопытных взглядов. Одни крепят лоб, другие выражают соболезнования. Он идет вперед, крепко сжав руку ребенка. На пороге их дома тихо плачет Виктория. Она тянется к братишке, целует его, обнимает.

– Теперь у тебя тоже нет защиты, как и у меня, – говорит она.

Винченцо застыл, не произносит ни слова.

Помочь с похоронами пришел Джузеппе Барбаро, один из родственников Эмидио.

– Упокой, Господи, его душу, – говорит он.

– Аминь, – отвечает Иньяцио.

Дома тишина. Орсола ведет Винченцо в комнату, чтобы переодеть в траурную одежду. Из родительской спальни доносится скрип сундука.

Шелест тканей перемежается обрывками фраз. Виктория, Иньяцио, Эмидио.

– Болезнь зашла слишком далеко...

– С миром отошел...

– Нужно заказать гроб, – говорит девушка.

– У лучшего мастера. Петь на мессе пригласим монахов.

Он... он был не простым человеком. Мой брат, *дон* Паоло Флорио. Здесь, в Палермо, благодаря ему наша лавка стала известной.

Внезапно Винченцо все понимает.

Отцовская рука будто ложится ему на плечо. Крепко сжимает его. Борода колет лицо. Суровый взгляд. Руки, насыпающие хину на весы. Запах трав, исходящий от отца.

Покачиваясь, Винченцо идет в родительскую спальню.

Его отец больше не вернется. И в тот момент, когда эта мысль пронзает его, он встречается взглядом с Иньяцио и видит ту же горестную пустоту, какую чувствует сам.

Внезапно она становится бескрайней, невыносимо огромной.

И тогда Винченцо бежит, в глазах стоят слезы, ноги скользят по камням мостовой. Бежит прочь из этого дома, оставляя позади давящую пустоту, пытаюсь обмануть себя.

* * *

– Винченцо!

Иньяцио зовет его, а мальчик, кажется, летит по мостовой. Внезапно на виа Сан-Себастьяно он теряет его из виду.

Иньяцио останавливается, хлопает себя по коленям.

– Ну вот, только этого не хватало... – бормочет он. Переводит дыхание. Идет к бухте искать ребенка. В порту многолюдно. Иньяцио уклоняется от знакомых, которые останавливают его, чтобы выразить соболезнования, обходит штабеля готового к погрузке товара.

Обводит взглядом бухту Кала, от церкви Пьедигротта до Ладзаретто. Тень от замка Каstellамаре падает на гавань.

Лес мачт и паруса закрывают обзор.

Наконец он находит его.

Мальчик сидит на дальнем краю пирса, поджав ноги.

Плачет.

Иньяцио осторожно подходит к нему. Окликает. Винченцо не оборачивается, но расправляет плечи.

Возможно, следовало бы отругать его: сейчас совсем не время устраивать сцены. К тому же он мужчина, а мужчины не плачут. Но Иньяцио не ругает ребенка.

Он опускается рядом. Некоторое время они просто сидят и молчат. Иньяцио хотел бы утешить племянника, рассказать ему, что он чувствовал, когда во время землетрясения потерял мать. Он был примерно такого же возраста и хорошо помнит это ощущение покинутости, пустоты.

Отчаяние.

Но отец!

Своего отца, мастера Винченцо Флорио, кузнеца из Баньяры, он помнит плохо. Рядом всегда был Паоло, с тех пор как они вместе стали выходить в море.

И теперь он боится того, что его ждет... Проклятый страх, о нем никому нельзя рассказать, тем более ребенку.

Первым заговорил Винченцо.

– Как я буду без него?

– Такая, видно, судьба у твоего отца. На все Божья воля. – В этих словах Иньяцио ищет объяснение и для себя. – С того момента, как мы появляемся на свет, нами правит судьба, и

ее не изменить. Ничего не поделаешь.

В тишине слышен лишь плеск волн.

– Нет. Если такова воля Божья, я не хочу ее. – Винченцо не может сдержать слез.

– Винченцо, что ты говоришь?!

Эта фраза жесткая, кощунственная, слишком серьезная для восьмилетнего ребенка.

– Я не хочу, чтобы у меня были дети, если мне придется умереть. Мама плачет, и тебе плохо, я вижу, – говорит он со злостью. Поднимает голову. – Теперь мне придется жить без него, а я не знаю – как.

Иньяцио смотрит на черную воду. Над ними в воздухе кружат чайки.

– И я не знаю... У меня земля ушла из-под ног, Винченцо. Он всегда был рядом, а теперь... – Он тяжело вздыхает. – Теперь я один.

– Теперь *мы* одни, – тихо произносит Винченцо, прислоняется к плечу дяди, и тот обнимает его.

Все изменилось, думает Иньяцио. Он больше не может позволить себе роскошь быть сыном и братом. Теперь он главный. Теперь их дело – это его дело. Теперь он за всё в ответе.

Это единственное, в чем он уверен.

Шелк

Лето 1810 – январь 1820

*Всяк купец свой товар хвалит.
Сицилийская пословица*

Получив корону Испании, Жозеф Бонапарт с подачи своего брата Наполеона передает неаполитанский трон зятю, Иоахиму Мюрату, который восходит на престол 1 августа 1808 года.

*В 1812 году на Сицилии вспыхивает восстание из-за по-
доходного налога, установленного Фердинандом IV. Сици-
лийский парламент провозглашает конституцию, состав-
ленную по образцу английской, которая фактически лиша-
ет власти короля Бурбонов, предусматривает отмену фео-
дальной системы и реформу государственного аппарата. Ее
цель состоит в том, чтобы модернизировать социальную
систему, а также упрочить взаимоотношения с англичана-
ми, заинтересованными в сохранении независимости остро-
ва.*

*В том же году Наполеон начинает печально знаменитую
Русскую кампанию. После разгрома под Лейпцигом (19 ок-
тября 1813 года) Мюрат объединяется с Австрией в на-
дежде спасти свой трон. Он возобновляет союзничество
с Наполеоном в 1815 году, но австрийцы разбивают его ар-*

мию в битве при Толентино (2 мая 1815 года). Конвенция Казаланца (20 мая 1815 года) восстанавливает Фердинанда IV на неаполитанском троне, а в Палермо в качестве регента остается его сын Франческо.

8 декабря 1816 года росчерком пера монарх объединяет под одной короной Неаполитанское и Сицилийское Королевства и провозглашает себя Фердинандом I, Королем обеих Сицилий. Конституция 1812 года отменена. Остров фактически становится колонией и подвергается жесткому налогообложению.

Шелк принадлежит не Палермо.

Шелк принадлежит Мессине.

Или, вернее, принадлежал.

От Мессинского пролива до равнины Катании крестьянские семьи разводили шелкопрядов в тени вековых тутовых деревьев, листьями которых кормили личинок. Занимались этой тяжелой и неблагодарной работой в основном женщины, получая за свой труд мизерную плату. Эти женщины были более свободными и независимыми, чем крестьянки, работающие в полях, или служанки в дворянских семьях. Они могли оставлять себе доход.

Тяжким трудом заработанные деньги они тратили на приданое или на покупку мебели для своего будущего дома.

И вдруг новость: на Дальнем Востоке шелка производят больше и по более низким ценам.

Так сюда начали поступать ткани из Англии: англичане закупали в своих колониях пряжу, а затем ткали у себя на родине или импортировали ткани с экзотическим рисунком. Все устали от полосок и пастельных тонов. После долгих войн с Наполеоном хотелось радости и мечты.

Экспорт из Сицилии в континентальную Италию постепенно сокращается, а затем прекращается вовсе. Шелковичные рощи приходят в запустение.

Начинается «китайское поветрие», увлечение всем китайским: мебель, фарфор, резная слоновая кость.

И, конечно, ткани.

Даже Бурбоны заразились этим, и король Фердинанд решил, что его охотничий домик – *гарсоньер* – будет «китайским дворцом».

У всех богачей есть, по крайней мере, одна комната, обитая шелком.

Все богачи одеваются в шелк.

* * *

Дверь открывается. Стекла больше не звенят, хорошо смазанные петли скользят бесшумно.

Рука ощупывает прилавок. Мраморная столешница на прилавке из красного дерева отполирована, как бархат. Взгляд задерживается на цветной плитке пола, затем скользит по ореховым шкафам с выгравированными на них назва-

ниями приправ. Запах свежего дерева и краски.

Иньяцио стоит в центре зала. Он один, но одиночество его не смущает.

Он мечтал об этом моменте два года, с тех пор как прежний хозяин, Винченцо Романо, согласился уступить ему этот магазин. Тогда боль от смерти Паоло была лишь едва затянувшимся шрамом.

Тогда тоже было лето.

* * *

– Что вы такое говорите? – в ответ на просьбу глаза Винченцо Романо, владельца домов на виа Матерассаи, округлились.

Иньяцио сидел за столом и смотрел на него снизу вверх.

Пригласив его в кабинет – теперь он приглашал людей, – он не предложил ему сесть. Заставил стоять, как просителя, испытывать неудобство. Винченцо Романо пришлось ждать, пока Иньяцио подписывал бумаги, много бумаг. Потому что дел у Флорио теперь много.

И лишь потом обратился с просьбой.

– Вы в своем уме? – Романо вцепился в край стола. – Ни за что! Не продам.

Иньяцио знал, что Романо любит деньги, и понимал, что тот так просто не уступит, поэтому запасся терпением. Он настаивал спокойно, но твердо. Терпение и уважение были

его любимым оружием.

– Но и вы постарайтесь понять меня. Эти помещения нужно привести в порядок, отремонтировать. Вы же понимаете, торговый дом «Флорио» не может размещаться в лавке, где плесень на стенах и двери скрипят.

– И что? Если вы поможете покрасить стены и смазать двери...

– Дело не в этом. Дело в том, что двери, окна – всё надо менять, и пол в ужасном состоянии... Работы много, кое-что нужно делать срочно. Хорошо, если вам повезет и попадутся такие же добросовестные арендаторы, как мы, но все равно вам придется приводить помещение в порядок.

Винченцо Романо хотел отказать. Однако быстро передумал. Он знал, что Флорио прав.

Сомнение. Оно читается в растерянных глазах, в приоткрытых губах. Переломный момент. Нужно поднажать.

– У меня есть одно предложение, если вы согласитесь меня выслушать. Хороший компромисс для нас обоих.

– В смысле?

Только тогда Иньяцио жестом пригласил его сесть.

– Долгосрочная аренда.

– Прекрасно! Хозяин я, но все права у вас. Зачем мне недвижимость, если я ничего не смогу с ней сделать? – Романо тихо ругается: – Вместо собаки я получаю собачью морду.

– Подумайте хорошенько. При долгосрочной аренде вы, по крайней мере, формально остаетесь владельцем лавки. Я

же на свои деньги займусь ремонтом. Но если вы не хотите, – Иньяцио развел руками, – воля ваша. Как и мы вольны съехать.

Иньяцио говорил твердо, решительно. Он умел скрывать свои страхи, ведь сейчас он явно рисковал. Отказ Романо вынудил бы искать новые помещения для лавки и складов в другом районе. Оставить место, где они с Паоло когда-то начинали.

С другой стороны, нельзя оставаться в лавке, где в конторе сырость и разбитые двери. Это не соответствует уровню торгового дома «Флорио».

Винченцо Романо зашел за арендной платой и получил неожиданное предложение. Он походил по комнате, а потом удивленно спросил:

– Завидуете Канцонери и Гули, потому что у них свои торговые ряды?

– По правде говоря, нет. Просто нам нужна уверенность. Вы же знаете, если ты что-то заработал потом и кровью, это должно быть твоим, чтобы никто не мог прийти и отнять. Я не собираюсь тратить деньги на то, что вы потом решите продать кому-то другому. Надеюсь, вы меня понимаете?

Он понимал.

– Я подумаю над вашим предложением, – сказал Романо, прощаясь.

Он думал даже меньше, чем предполагал Иньяцио. И принял все условия.

Сделку оформили у нотариуса. Затем последовал ремонт: укрепление стен подвала, столярные работы, укладка плитки, замена стекол. Через несколько месяцев Иньяцио выкупил все помещения. Он стал полноправным хозяином лавки.

* * *

Когда Иньяцио вспоминает те шесть месяцев, что шли работы, сердце его поет.

На полках – новые альбарелло и сосуды с именем «Флорио». Склады на виа Матерассаи, на площади Сан-Джакомо и на таможене заполнены мешками с корой хинного дерева из Перу. Лавка Флорио стала тем, о чем он всегда мечтал. Теперь это настоящая *дрогерия*, магазин колониальных товаров.

Иньяцио оставил только одну вещь из старой лавки – весы, те самые, которыми пользовался его брат с первых дней работы.

Пусть будут, чтобы помнить, кто он, как все начиналось. За дверью шум: это любопытные горожане и подосланные знатью слуги, им не терпится заглянуть внутрь, увидеть, как изменилась лавка. Конечно, всем хочется узнать, что устроил этот переселенец из Баньяры, и лица их выдают. Иньяцио даже нравится наблюдать, как они терзаются любопытством и сомнениями. Они никогда не признают, что это зависть и восхищение вынуждают их толпиться, ждать под две-

рями магазина.

Ему не терпится лично увидеть тех, кто не забывал вставлять ему палки в колеса. Теперь его ход, игра не только против Канцонери и Сагуто – против всех торговцев приправami в Палермо, а они уже интересуются, ропщут, беспокоятся.

Потому что Флорио теперь не просто лавочники. Они – коммерсанты, и могут сказать это с гордо поднятой головой.

Дверь открывается. Кто-то входит.

Иньяцио оборачивается.

Это Джузеппина.

– Ох... как красиво! – Джузеппина от удивления приоткрыла рот. Складка между бровями разглаживается. Рука в перчатке скользит по темному платью. – Я и не думала, что все так изменится!

Она тоже изменилась.

Когда пришли благополучные времена, у нее появились горничные и служанки, наряды, сшитые у портнихи, а не штопанные при свечах, новые туфли и пальто. Стал богаче и разнообразнее стол, для всех, и для Виктории, которая пока живет с ними, но все чаще заговаривает о том, что хотела бы иметь свою семью. И дело даже не в нарядных платьях, не в руках, которые больше не болят от тяжелой работы по дому.

Глаза Джузеппины засияли новым светом. Она выглядит умиротворенной.

Иньяцио смотрит, как она ходит по магазину: прикасается

к шкафам, открывает дверцы, нюхает специи.

Она поднимает голову, улыбается ему.

Он не может оторвать от нее взгляда.

– Прекрасная работа, да, – негромко говорит она.

Ему хотелось бы прикоснуться к ее щеке, почувствовать ее тепло. Но он стоит неподвижно, скрестив руки на груди, стараясь не помять сюртук, который он заказал у портного специально для этого события. Те, кто войдет в магазин, должны сразу понять, что здесь больше нет лавочников в на-рукавниках.

Вдруг вбегает Винченцо.

– Мама! Дядя! Почему вы ушли без меня?

Он высокий, даже выше своих сверстников. Ему всего одиннадцать, но его можно принять за подростка.

Иньяцио проводит рукой по его волосам.

– Мы никуда не ушли. Главная вещь, которую я хотел вам показать, – в конторе. Краска еще сохнет.

Он идет впереди по коридору, ведущему в контору. На новых столах – новенькие чернильницы, бумага.

Иньяцио указывает на длинную деревянную вывеску, она лежит на полу в дальнем конце комнаты. Краски яркие, еще свежие. Внизу тонкой кистью выведено имя художника, хорошо известного в Каstellамаре, – Сальваторе Бургарелло.

– Он закончил ее только сегодня утром. Просил, чтобы сохла где-нибудь подальше от солнца, иначе краски растрескаются.

Джузеппина приложила руку к губам, как будто сдерживая возглас.

МАГАЗИН КОЛОНИАЛЬНЫХ ТОВАРОВ ИНЬЯЦИО И ВИНЧЕНЦО ФЛОРИО

Винченцо переводит взгляд с вывески на дядю:

– Ты решил написать и мое имя! Почему?

– Потому что ты мой племянник и наследник своего отца. – Иньяцио обнимает его за плечи.

И еще потому, думает он с нежностью, что ты мой сын, не по плоти, а по духу.

На вывеске нарисован лес. Внизу, у корней одного из деревьев, течет ручей, из которого пьет лев.

Это хинное дерево, цинхона.

* * *

– Всегда рад помочь вам, донна Маргарита. До свидания!

Пожилая женщина ковыляет от прилавка к двери, опираясь на руку Винченцо. Мальчик – высокий, угловатый подросток, выше ее на целую голову. Синьора кивает, рукой чертит в воздухе что-то вроде благословения:

– Я-то помню тебя еще малышом, ты и тогда был очень рассудительным. Вишь, как вырос! И какой учтивый стал! Да воздаст тебе Господь!

Винченцо улыбается и ждет, пока синьора скроется за дверью. Как только она уходит, он поворачивается, закрыв лицо руками.

– Пресвятая Мадонна! Я не знал, как от нее отделаться!

Продавцы в магазине посмеиваются. Маргариту Континелло из района Трибунали знают все: она невыносима. Поэтому и достается Винченцо, ведь он еще подмастерье, и в этой игре он всегда проигрывает.

Из конторы доносятся голоса.

Выходит Иньяцио, рядом с ним – человек с почерневшим от солнца лицом, Винченцо Мацца, еще один выходец из Баньяры, переселившийся в Палермо.

– Хорошо, тогда я вам сообщу, – говорит он с сильным калабрийским акцентом. Он пожимает руку Иньяцио, похлопывает Винченцо по плечу: – Эй, Виченци, какой ты большой! Чем тебя кормят дома?

– Хлебом, оливками и луком.

– А я думал, мама тебя поливает, чтоб ты лучше рос!

Снова смех.

Проводив Винченцо Маццу, Иньяцио идет в контору.

– Дядя, можно с тобой поговорить? – останавливает его племянник.

Иньяцио вздыхает, предчувствуя, о чем пойдет речь.

– Проходи. – Он опускается на стул, потирает виски. Он очень много работает. Винченцо, однако, этого не понять: в пятнадцать лет смотришь на мир через призму эгоизма и думаешь, что знаешь всё. Иньяцио указывает ему на стул. – Так что ты хотел мне сказать?

Винченцо плюхается на стул, как пустой мешок.

– Приходила донна Контичелло. Опять! – Он закрывает лицо руками. – Про ее подагру я знаю больше, чем ее доктор. Требуем, чтобы ее обслуживали только я или ты, говорит, что хочет иметь дело с хозяевами, а не приказчиками.

– Что в этом плохого? – Иньяцио кусает губы. – Бедняжке нужно с кем-то поговорить, а ты ей симпатичен. Всегда говори «да», и она будет счастлива. И вообще, как ты сидишь? Выпрями спину, смотри на меня, руки на коленях. Сколько раз тебе повторять?

Винченцо подтягивается, но не убирает руки от лица, умоляюще смотрит на дядю.

– Но почему я должен стоять за прилавком? Терпеть не могу людей, которые жалуются, мне хочется сбросить их в море. Лучше я буду помогать тебе и синьору Реджо в конторе, ты же знаешь, я хорошо умею считать. Пожалуйста!

– Нет. Я тебе уже объяснял, почему. – Иньяцио пригвоздил его к стулу взглядом.

– Потому что таким образом я могу научиться понимать людей и угадывать, что им действительно нужно. Потому что я усвою науку, не буду бояться трудностей. Потому что я на-

учусь уважать работу других, – Винченцо насмешливо перечисляет, загибая пальцы. – Я ничего не забыл?

– Да. – Иньяцио обводит глазами контору. – Все, что ты здесь видишь, мы с твоим отцом заработали, открыв небольшую лавку, похожую на кладовку. Я хочу, чтобы ты понимал, что это место значит для нас, для Флорио.

Винченцо опустил голову, шумно сопит. Молчит.

– Возвращайся к работе, – велит ему Иньяцио.

Мальчик уходит. Лицо Иньяцио посветлело. Племянник, конечно, похож на Паоло, но в то же время он совсем другой. Всегда радостный, любит смеяться, смотрит на жизнь без страха.

Винченцо – его гордость, его отрада. Он очень смысленный, но этого недостаточно. Нужно еще крепко стоять на земле.

Так он думает, когда стеклянная дверь снова открывается.

– Кстати, а зачем приходил синьор Мацца?

– Что у тебя в голове! – Иньяцио поднимает глаза к потолку, протягивает ему бумаги: – Вот, читай.

Винченцо не нужно упрашивать дважды. Он берет бумаги, пробегает их глазами.

– Страховка?

– Да. Мы с Винченцо Маццей решили застраховать крупную партию сумаха, уксусного дерева. То есть мы вносим определенную сумму и можем рассчитывать на компенсацию в случае, если с товаром что-то случится.

– Чтобы не повторилось, как тогда, с кораблем капитана Ольсена, когда тебе пришлось заплатить выкуп за пряности?

Иньяцио показывает строку в документе.

– Вот именно. Если ты помнишь, нам пришлось выложить кучу денег, чтобы вернуть свой товар.

– Здесь, в Палермо, никто так не делает. Но мне кажется, что это правильно... – заключает Винченцо, возвращая бумаги. Он высокий, ростом почти с дядю.

– Да. Страхование тебя не разорит, а если что-то случится с товаром и ты его не получишь, тогда тебе придется туго, но не все это понимают, – терпеливо объясняет Иньяцио. – Я согласился, когда узнал, что страховым обществом управляет Абрахам Гиббс. Англичане вызывают уважение, у них есть флот, они могут противостоять французам, а мы нет. Мы должны брать с них пример, учиться защищать свои интересы. Здесь, в Палермо, они арендовали склады и торговые дворы и могут торговать на всем Средиземноморье. Палермо и Мальта – вот их надежные причалы. Они знают, как защитить торговцев: страхуют товары уже не одно десятилетие, и у Гиббса есть большой опыт в этом деле. К тому же он не только торговец, но и английский консул, а это дает нам дополнительные гарантии. Я тут подумал... – он роется в бумагах, достает одну и дает Винченцо. – Раз уж ты не хочешь стоять за прилавком, поработай рассыльным. Это для Ингэма. Убедись, чтобы он лично это прочел.

– Для Беньямино? – глаза у мальчика загорелись. Вин-

ченцо очарован этим человеком, который говорит с сильным иностранным акцентом, заправляет делами и повелевает людьми одним взмахом руки. Денег у него много, очень много, если он может позволить себе арендовать целый корабль, чтобы отправить в Британию товары, которые покупает на Сицилии. Среди английских купцов, таких как Джон Вудхаус, Джеймс Хоппс или тот же Гиббс, он самый известный. Может быть, не самый богатый – пока нет, думает мальчик, – но уж точно самый ловкий. Самый решительный.

– Для тебя – синьор Ингэм. Запомни, Винченцо, уважением воздаст тебе тот, к кому ты относишься уважительно. Если он наш сосед, это не дает тебе права на фамильярное обращение. А теперь пошевеливайся.

Мальчик исчезает за дверью.

Иньяцио вздыхает. Иногда ему кажется, что он действительно его отец, и как отец ругает его и любит.

И все же...

Есть в этом парне нечто темное. Оно редко проявляется. Некое бунтарство, дух протеста – вот что беспокоит Иньяцио; поскольку ему самому никогда не приходилось испытывать подобного чувства, он не знает, как следует реагировать.

* * *

На виа Матерассай весна выплескивается с узких балконов, из цветов, из ваз с ароматическими травами, из разве-

шанного на солнце белья, из запаха мыла и кипящего томатного соуса. Колышущиеся белые занавески сменили закрытые от зимних ветров ставни.

На улицах много людей, особенно торговцев, модно одетых на английский манер в жилет и суконную куртку. С площади Сан-Джакомо доносятся крики продавцов и дальше, на виа Арджентьери, звенят молоточки ремесленников. Смуглый моряк разговаривает с рыжеволосым человеком на смеси арабского и сицилийского.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.